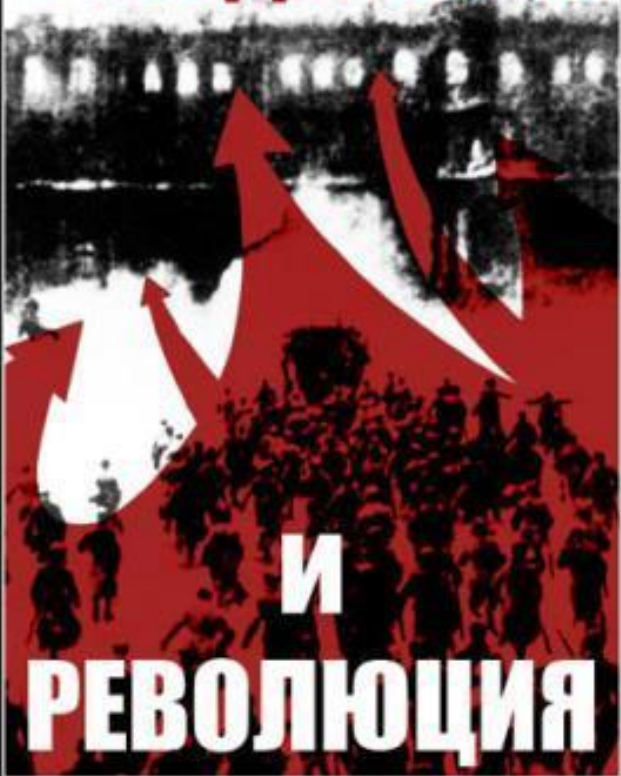

ЛЕНИН

ГОСУДАРСТВО

И
РЕВОЛЮЦИЯ

Владимир Ильич Ленин

Государство и революция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155368

Государство и революция: «Жизнь и Знание»; Петроград; 1918

Аннотация

Книга «Государство и революция» написана Лениным в подполье, в августе-сентябре 1917 года. Мысль о необходимости теоретической разработки вопроса о государстве была высказана Лениным во второй половине 1916 года. Тогда же он написал заметку «Интернационал молодежи» (см. Сочинения, 4 изд., том 23, стр. 153–156), в которой подверг критике антимарксистскую позицию Бухарина по вопросу о государстве и обещал написать подробную статью об отношении марксизма к государству. В письме к А. М. Коллонтай от 17 февраля (н. ст.) 1917 года Ленин сообщал, что он почти подготовил материал по вопросу об отношении марксизма к государству. Этот материал был написан мелким убористым почерком в тетрадке в синей обложке, озаглавленной «Марксизм о государстве». В ней были собраны цитаты из произведений К. Маркса и ф. Энгельса, а также выдержки из книг Каутского, Паннекука и Бернштейна с критическими замечаниями, выводами и обобщениями В. И. Ленина.

Согласно намеченному плану, книга «Государство и революция» должна была состоять из семи глав, но последняя,

седьмая, глава «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов» Лениным написана не была, сохранился лишь подробно разработанный план этой главы (см. Ленинский сборник XXI, 1933, стр. 25–26). По вопросу об издании книги Ленин в записке к издателю писал, что если он «слишком опоздает с окончанием этой, VII-ой главы, или если она непомерно распухнет, тогда первые шесть глав надо издать отдельно, как выпуск первый...».

На первой странице рукописи автор книги обозначен псевдонимом «Ф. Ф. Ивановский». Под таким псевдонимом Ленин предполагал выпустить свою книгу, так как иначе Временное правительство конфисковало бы ее. Книга была издана только в 1918 году и необходимость в этом псевдониме отпала. Второе издание книги с внесенным Лениным во вторую главу новым разделом «Постановка вопроса Марксом в 1852 году» вышло в 1919 году.

Содержание

Предисловие к первому изданию	6
Предисловие ко второму изданию	10
Глава I	11
1. Государство – продукт непримиримости классовых противоречий	11
2. Особые отряды вооруженных людей, тюрьмы и пр.	17
3. Государство – орудие эксплуатации угнетенного класса	22
4. «Отмирание» государства и насильственная революция	28
Глава II	38
1. Канун революции	38
2. Итоги революции	45
3. Постановка вопроса Марксом в 1852 году[3]	54
Глава III	58
1. В чем героизм попытки коммунаров?	58
2. Чем заменить разбитую государственную машину?	65
3. Уничтожение парламентаризма	72
4. Организация единства нации	81
5. Уничтожение паразита – государства	86

Глава IV	90
1. «Жилищный вопрос»	91
2. Poleмика с анархистами	96
3. Письмо к Бебелю	102
4. Критика проекта эрфуртской программы	107
5. Предисловие 1891-го года к «Гражданской войне» Маркса	118
6. Энгельс о преодолении демократии	127
Глава V	131
1. Постановка вопроса Марксом	132
2. Переход от капитализма к коммунизму	136
3. Первая фаза коммунистического общества	144
4. Высшая фаза коммунистического общества	150
Глава VI	161
1. Poleмика Плеханова с анархистами	162
2. Poleмика Каутского с оппортунистами	164
3. Poleмика Каутского с Паннекуком	175
4. Послесловие к первому изданию	189

В. И. Ленин

**ГОСУДАРСТВО
И РЕВОЛЮЦИЯ**

**Учение марксизма о
государстве и задачи
пролетариата в революции**

Предисловие к первому изданию

Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особую важность и в теоретическом и в практически-политическом отношениях. Империалистская война чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всемогущими союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Передовые страны превращаются – мы говорим о «тыле» их

– в военно-каторжные тюрьмы для рабочих.

Неслыханные ужасы и бедствия затягивающейся войны делают положение масс невыносимым, усиливают возмущение их. Явно нарастает международная пролетарская революция. Вопрос об отношении ее к государству приобретает практическое значение.

Накопленные десятилетиями сравнительно мирного развития элементы оппортунизма создали господствующее в официальных социалистических партиях всего мира течение социал-шовинизма. Это течение (Плеханов, Потресов, Брешковская, Рубанович, затем в чуточку прикрытой форме гг. Церетели, Чернов и К^о в России; Шейдеман, Легин, Давид и пр. в Германии; Ренодель, Гед, Вандервельд во Франции и Бельгии; Гайндман и фабианцы¹ в Англии и т. д. и т. д.),

¹ *Фабианцы* – члены реформистского, крайне оппортунистического «Общества фабианцев», основанного группой буржуазной интеллигенции в Англии в 1884 году. Оно названо по имени римского полководца Фабия Кунктатора («Медлителя»), известного своей выжидательной тактикой, уклонением от решительных боев. Фабианское общество, по выражению Ленина, представляет собой «самое законченное выражение оппортунизма и либеральной рабочей политики». Фабианцы отвлекали пролетариат от классовой борьбы, проповедывали возможность мирного, постепенного перехода от капитализма к социализму путем реформ. В период мировой империалистической войны (1914—1918) фабианцы занимали позицию социал-шовинизма. Характеристику фабианцев см. в произведениях В. И. Ленина: «Предисловие к русскому переводу книги: „Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.“» (Сочинения, 4 изд., том 12, стр. 330—331), „Аграрная программа социал-демократии в русской революции“ (Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 154), „Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории“ (Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 234) и другие.

социализм на словах, шовинизм на деле, отличается подлым лакейским приспособлением «вождей социализма» к интересам не только «своей» национальной буржуазии, но именно «своего» государства, ибо большинство так называемых великих держав давно эксплуатирует и порабощает целый ряд мелких и слабых народностей. А империалистская война является как раз войной за раздел и передел этого рода добычи. Борьба за высвобождение трудящихся масс из-под влияния буржуазии вообще, и империалистской буржуазии в особенности, невозможна без борьбы с оппортунистическими предрассудками насчет «государства».

Мы рассматриваем сначала учение Маркса и Энгельса о государстве, останавливаясь особенно подробно на забытых или подвергшихся оппортунистическому искажению сторонах этого учения. Мы разберем затем специально главного представителя этих искажений, Карла Каутского, наиболее известного вождя второго Интернационала (1889—1914 гг.), который потерпел такое жалкое банкротство во время настоящей войны. Мы подведем, наконец, главные итоги опыта русских революций 1905 и особенно 1917-го года. Эта последняя, видимо, заканчивает в настоящее время (начало августа 1917 г.) первую полосу своего развития, но вся эта революция вообще может быть понята лишь как одно из звеньев в цепи социалистических пролетарских революций, вызываемых империалистской войной. Вопрос об отношении социалистической революции пролетариата к го-

сударству приобретает таким образом не только практически-политическое значение, но и самое злободневное значение, как вопрос о разъяснении массам того, что они должны будут делать, для своего освобождения от ига капитала, в ближайшем будущем.

Автор

Август 1917 г.

Предисловие ко второму изданию

Настоящее, второе, издание печатается почти без перемен. Добавлен только параграф 3-й к главе 11-й.

Автор

Москва.

17 декабря 1918 г.

Глава I

КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

1. Государство – продукт непримиримости классовых противоречий

С учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение. Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая *содержание* революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его. На такой «обработке» марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, оттира-

ют, искажают революционную сторону учения, его революционную душу. Выдвигают на первый план, прославляют то, что приемлемо или что кажется приемлемым для буржуазии. Все социал-шовинисты нынче «марксисты», не шутите! И все чаще немецкие буржуазные ученые, вчерашние специалисты по истреблению марксизма, говорят о «национально-немецком» Марксе, который будто бы воспитал так великолепно организованные для ведения грабительской войны союзы рабочих!

При таком положении дела, при неслыханной распространенности искажений марксизма, наша задача состоит прежде всего в *восстановлении* истинного учения Маркса о государстве. Для этого необходимо приведение целого ряда длинных цитат из собственных сочинений Маркса и Энгельса. Конечно, длинные цитаты сделают изложение тяжеловесным и несколько не поспособствуют его популярности. Но обойтись без них совершенно невозможно. Все, или по крайней мере все решающие, места из сочинений Маркса и Энгельса по вопросу о государстве должны быть непременно приведены в возможно более полном виде, чтобы читатель мог составить себе самостоятельное представление о совокупности взглядов основоположников научного социализма и о развитии этих взглядов, а также чтобы искажение их господствующим ныне «каутскианством» было доказано документально и показано наглядно.

Начнем с самого распространенного сочинения Фр. Эн-

гегельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которое в 1894 году вышло в Штутгарте уже 6-ым изданием. Нам придется переводить цитаты с немецких оригиналов, потому что русские переводы, при всей их многочисленности, большей частью либо неполны, либо сделаны крайне неудовлетворительно.

«Государство – говорит Энгельс, подводя итоги своему историческому анализу, – никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» (стр. 177—178 шестого немецкого издания).

Здесь с полной ясностью выражена основная идея марк-

сизма по вопросу об исторической роли и о значении государства. Государство есть продукт и проявление» *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы.

Именно по этому важнейшему и коренному пункту начинается искажение марксизма, идущее по двум главным линиям.

С одной стороны, буржуазные и особенно мелкобуржуазные идеологи, – вынужденные под давлением бесспорных исторических фактов признать, что государство есть только там, где есть классовые противоречия и классовая борьба, – «подправляют» Маркса таким образом, что государство выходит органом *примирения* классов. По Марксу, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно было примирение классов. У мещанских и филистерских профессоров и публицистов выходит, – сплошь и рядом при благожелательных ссылок на Маркса! – что государство как раз примиряет классы. По Марксу, государство есть орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов, а не угнетение одного класса другим; уме-

рять столкновение – значит примирять, а не отнимать у угнетенных классов определенные средства и способы борьбы за свержение угнетателей.

Например, все эсеры (социалисты-революционеры) и меньшевики в революции 1917 года, когда вопрос о значении и роли государства как раз встал во всем своем величии, встал практически, как вопрос немедленного действия и притом действия в массовом масштабе, – все скатились сразу и целиком к мелкобуржуазной теории «примирения» классов «государством». Бесчисленные резолюции и статьи политиков обеих этих партий насквозь пропитаны этой мещанской и филистерской теорией «примирения». Что государство есть орган господства определенного класса, который *не может* быть примирен со своим антиподом (с противоположным ему классом), этого мелкобуржуазная демократия никогда не в состоянии понять. Отношение к государству – одно из самых наглядных проявлений того, что наши эсеры и меньшевики вовсе не социалисты (что мы, большевики, всегда доказывали), а мелкобуржуазные демократы с почти-социалистической фразеологией.

С другой стороны, «каутскианское» извращение марксизма гораздо тоньше. «Теоретически» не отрицается ни то, что государство есть орган классового господства, ни то, что классовые противоречия непримиримы. Но упускается из виду или затушевывается следующее: если государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, ес-

ли оно есть сила, стоящая *над* обществом и «*все более и более отчуждающая* себя от общества», то явно, что освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, *но и без уничтожения* того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это «отчуждение» воплощено. Этот вывод, теоретически ясный сам собою, Маркс сделал, как мы увидим ниже, с полнейшей определенностью на основании конкретно-исторического анализа задач революции. И именно этот вывод Каутский – мы покажем это подробно в дальнейшем изложении – ...«забыл» и извратил.

2. Особые отряды вооруженных людей, тюрьмы и пр.

...«По сравнению со старой гентильной (родовой или клановой) организацией – продолжает Энгельс – государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по территориальным делениям»...

Нам это деление кажется «естественным», но оно стоило долгой борьбы со старой организацией по коленам или по родам.

... «Вторая отличительная черта – учреждение общественной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое «себя, как вооруженная сила. Эта особая общественная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы... Эта общественная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому (клановому) устройству общества»...

Энгельс развертывает понятие той «силы», которая назы-

вается государством, силы, происшедшей из общества, но ставящей себя над ним и все более и более отчуждающей себя от него. В чем состоит, главным образом, эта сила? В особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее.

Мы имеем право говорить об особых отрядах вооруженных людей, потому что свойственная всякому государству общественная власть «не совпадает непосредственно» с вооруженным населением, с его «самодействующей вооруженной организацией».

Как все великие революционные мыслители, Энгельс старается обратить внимание сознательных рабочих именно на то, что господствующей обывательщине представляется наименее стоящим внимания, наиболее привычным, освященным предрассудками не только прочными, но, можно сказать, окаменевшими. Постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти, но – разве может это быть иначе?

С точки зрения громадного большинства европейцев конца XIX века, к которым обращался Энгельс и которые не переживали и не наблюдали близко ни одной великой революции, это не может быть иначе. Им совершенно непонятно, что это такое за «самодействующая вооруженная организация населения»? На вопрос о том, почему явилась необходимость в особых, над обществом поставленных, отчуждающих себя от общества, отрядах вооруженных людей (полиция, по-

стоянная армия), западноевропейский и русский филистер склонен отвечать парой фраз, заимствованных, у Спенсера или у Михайловского, ссылкой на усложнение общественной жизни, на дифференциацию функций и т. п.

Такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы.

Не будь этого раскола, «самодействующая вооруженная организация населения» отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединенных в клановые общества» но такая организация была бы возможна.

Она невозможна потому, что общество цивилизации расколото на враждебные и притом непримиримо враждебные классы, «самодействующее» вооружение которых привело бы к вооруженной борьбе между ними. Складывается государство, создается особая сила, особые отряды вооруженных людей, и каждая революция, разрушая государственный аппарат, показывает нам воочию, как господствующий класс стремится возобновить служащие *ему* особые отряды вооруженных людей, как угнетенный класс стремится создать новую организацию этого рода, способную служить не эксплуататорам, а эксплуатируемым.

Энгельс ставит в приведенном рассуждении теоретически тот самый вопрос, который практически, наглядно и при-

том в масштабе массового действия ставит перед нами каждая великая революция, именно вопрос о взаимоотношении «особых» отрядов вооруженных людей и «самодействующей вооруженной организации населения». Мы увидим, как этот вопрос конкретно иллюстрируется опытом европейских и русских революций.

Но вернемся к изложению Энгельса.

Он указывает, что иногда, например, кое-где в Северной Америке, эта общественная власть слаба (речь идет о редком исключении для капиталистического общества и о тех частях Северной Америки в ее доимпериалистическом периоде, где преобладал свободный колонист), но, вообще говоря, она усиливается:

...«Общественная власть усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, и по мере того, как соприкасающиеся между собой государства становятся больше и населеннее. Взгляните хотя бы на теперешнюю Европу, в которой классовая борьба и конкуренция завоеваний взвинтили общественную власть до такой высоты, что она грозит поглотить все общество и даже государство.»...

Это писано не позже начала 90-х годов прошлого века. Последнее предисловие Энгельса помечено 16 июня 1891 года. Тогда поворот к империализму – и в смысле полного господства трестов, и в смысле всевластия крупнейших бан-

ков, и в смысле грандиозной колониальной политики и прочее – только-только еще начинался во Франции, еще слабее в Северной Америке и в Германии. С тех пор «конкуренция завоеваний» сделала гигантский шаг вперед, тем более, что земной шар оказался в начале второго десятилетия XX века окончательно поделенным между этими «конкурирующими завоевателями», т. е. великими грабительскими державами. Военные и морские вооружения выросли с тех пор неизменно, и грабительская война 1914—1917 годов из-за господства над миром Англии или Германии, из-за дележа добычи, приблизила «поглощение» всех сил общества хищнической государственной властью к полной катастрофе.

Энгельс умел еще в 1891 году указывать на «конкуренцию завоеваний», как на одну из важнейших отличительных черт внешней политики великих держав, а негодяи социал-шовинизма в 1914—1917 годах, когда именно эта конкуренция, обострившись во много раз, породила империалистскую войну, прикрывают защиту грабительских интересов «своей» буржуазии фразами о «защите отечества», об «обороне республики и революции» и т. под.!

3. Государство – орудие эксплуатации угнетенного класса

Для содержания особой, стоящей над обществом, общественной власти нужны налоги и государственные долги.

«Обладая общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники – пишет Энгельс – становятся, как органы общества, *над* обществом. Свободное, добровольное уважение, с которым относились к органам родового (кланового) общества, им уже недостаточно – даже если бы они могли завоевать его»... Создаются особые законы о святости и неприкосновенности чиновников. «Самый жалкий полицейский служащий» имеет больше «авторитета», чем представители клана, но даже глава военной власти цивилизованного государства мог бы позавидовать старшине клана, пользующемуся «не из-под палки приобретенным уважением» общества.

Вопрос о привилегированном положении чиновников, как органов государственной власти, здесь поставлен. Намечено, как основное: что ставит их *над* обществом? Мы увидим, как этот теоретический вопрос практически решался Парижской Коммуной в 1871 году и реакционно затушевывался Каутским в 1912 году.

...«Так как государство возникло из потребности

держат в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самых столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новую средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»... Не только древнее и феодальное государства были органами эксплуатации рабов и крепостных, но и «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются однако периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними»...

Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, бонапартизм первой и второй империи во Франции, Бисмарк в Германии.

Таково – добавим от себя – правительство Керенского в республиканской России после перехода к преследованиям революционного пролетариата, в такой момент, когда Советы благодаря руководству мелкобуржуазных демократов *уже* бессильны, а буржуазия *еще* недостаточно сильна, чтобы прямо разогнать их.

В демократической республике – продолжает Энгельс –

«богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее», именно, во-первых, посредством «прямого подкупа чиновников» (Америка), во-вторых, посредством «союза между правительством и биржей» (Франция и Америка).

В настоящее время империализм и господство банков «развили» оба эти способа отстаивать и проводить в жизнь всевластие богатства в каких угодно демократических республиках до необыкновенного искусства. Если, например, в первые же месяцы демократической республики в России, можно сказать в медовый месяц бракосочетания «социалистов» эсеров и меньшевиков с буржуазией в коалиционном правительстве г. Пальчинский саботировал все меры обуздания капиталистов и их мародерства, их грабежа казны на военных поставках, если затем ушедший из министерства г. Пальчинский (замененный, конечно, другим совершенно таким же Пальчинским) «награжден» капиталистами местечком с жалованьем в 120 000 рублей в год, – то что это такое? прямой подкуп или непрямой? союз правительства с синдикатами или «только» дружественные отношения? Какую роль играют Черновы и Церетели, Авксентьевы и Скобелевы? – «Прямые» ли они союзники миллионеров-казнокрадов или только косвенные?

Всевластие «богатства» потому *вернее* при демократической республике, что оно не зависит от плохой политической оболочки капитализма. Демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капита-

лизма и потому капитал, овладев (через Пальчинских, Черновых, Церетели и К^о) этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надежно, настолько верно, что *никакая* смена ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти.

Надо отметить еще, что Энгельс с полнейшей определенностью называет всеобщее избирательное право орудием господства буржуазии. Всеобщее избирательное право, говорит он, явно учитывая долгий опыт немецкой социал-демократии, есть

«показатель зрелости рабочего класса. Дать большее оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве».

Мелкобуржуазные демократы, вроде наших эсеров и меньшевиков, а также их родные братья, все социал-шовинисты и оппортунисты Западной Европы, ждут именно «большого» от всеобщего избирательного права. Они разделяют сами и внушают народу ту ложную мысль, будто всеобщее избирательное право «в *теперешнем* государстве» способно действительно выявить волю большинства трудящихся и закрепить проведение ее в жизнь.

Мы можем здесь только отметить эту ложную мысль, только указать на то, что совершенно ясное, точное, конкретное заявление Энгельса искажается на каждом шагу в пропаганде и агитации «официальных» (т. е. оппортунистических) социалистических партий. Подробное выяснение всей лжи-

ности той мысли, которую отмечает здесь прочь Энгельс, да-
ется нашим дальнейшим изложением взглядов Маркса и Эн-
гельса на «*теперешнее*» государство.

Общий итог своим взглядам Энгельс дает в своем наибо-
лее популярном сочинении в следующих словах:

«Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором».

Не часто случается встречать эту цитату в пропагандистской и агитационной литературе современной социал-демократии. Но даже тогда, когда эта цитата встречается, ее при-

водят большей частью, как будто бы совершали поклон перед иконой, т. е. для официального выражения почтения к Энгельсу, без всякой попытки вдуматься в то, насколько широкий и глубокий размах революции предполагается этой «отправкой всей государственной машины в музей древностей». Не видно даже большей частью понимания того, что называет Энгельс государственной машиной.

4. «Отмирание» государства и насильственная революция

Слова Энгельса об «отмирании» государства пользуются такой широкой известностью, они так часто цитируются, так рельефно показывают, в чем состоит соль обычной подделки марксизма под оппортунизм, что на них необходимо подробно остановиться. Приведем все рассуждение, из которого они взяты:

«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно

было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев – граждан государства, в средние века – феодального дворянства, в наше время – буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, как не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы (крайности), которые проистекают из этой борьбы, – с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества, – является в то же время последним самостоятельным актом его, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другую излишним и само собою засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство не «отменяется», оно *отмирает*. На основании этого следует оценивать фразу про «свободное

народное государство», фразу, имевшую на время агитаторское право на существование, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требование так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра»

(«Анти-Дюринг». «Ниспровержение науки господином Евгением Дюрингом», стр. 301—303 по 3-му нем. изд.).

Не боясь ошибиться, можно сказать, что из этого, замечательно богатого мыслями, рассуждения Энгельса действительным достоянием социалистической мысли в современных социалистических партиях стало только то, что государство «отмирает», по Марксу, в отличие от анархического учения об «отмене» государства. Так обкарнать марксизм значит свести его к оппортунизму, ибо при таком «толковании» остается только смутное представление о медленном, ровном, постепенном изменении, об отсутствии скачков и бурь, об отсутствии революции. «Отмирание» государства в ходячем, общераспространенном, массовом, если можно так выразиться, понимании означает, несомненно, затушевывание, если не отрицание, революции.

А между тем, подобное «толкование» есть самое грубое, выгодное лишь для буржуазии, искажение марксизма, теоретически основанное на забвении важнейших обстоятельств и соображений, указанных хотя бы в том же, приведенном нами полностью, «итоговом» рассуждении Энгельса.

Во-первых. В самом начале этого рассуждения Энгельс

говорит, что, беря государственную власть, пролетариат «тем самым уничтожает государство как государство». Что это значит, об этом думать «не принято». Обычно это либо игнорируют совершенно, либо считают чем-то вроде «гегельянской слабости» Энгельса. На деле в этих словах выражен кратко опыт одной из величайших пролетарских революций, опыт Парижской Коммуны 1871 года, о чем подробнее пойдет у нас речь в своем месте. На деле здесь Энгельс говорит об «уничтожении» пролетарской революцией государства *буржуазии*, тогда как слова об отмирании относятся к остаткам *пролетарской* государственности *после* социалистической революции. Буржуазное государство не «отмирает», по Энгельсу, а *уничтожается* пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство.

Во-вторых. Государство есть «особая сила для подавления». Это великолепное и в высшей степени глубокое определение Энгельса дано им здесь с полнейшей ясностью. А из него вытекает, что «особая сила для подавления» пролетариата буржуазией, миллионов трудящихся горстками богачей должна смениться «особой силой для подавления» буржуазии пролетариатом (диктатура пролетариата). В этом и состоит «уничтожение государства как государства». В этом и состоит «акт» взятия во владение средств производства от имени общества. И само собою очевидно, что *такая* смена одной (буржуазной) «особой силы» другою (пролетарскою)

«особою силою» никак уже не может произойти в виде «отмирания».

В-третьих. Об «отмирании» и даже еще рельефнее и красочнее – о «засыпании» Энгельс говорит совершенно ясно и определенно по отношению к эпохе *после* «взятия средств производства во владение государством от имени всего общества», т. е. *после* социалистической революции. Мы все знаем, что политической формой «государства» в это время является самая полная демократия. Но никому из оппортунистов, бесстыдно искажающих марксизм, не приходит в голову, что речь идет здесь, следовательно, у Энгельса, о «засыпании» и «отмирании» *демократии*. Это кажется на первый взгляд очень странным. Но «непонятно» это только для того, кто не вдумался, что демократия есть *тоже* государство и что, следовательно, демократия тоже исчезнет, когда исчезнет государство. Буржуазное государство может «уничтожить» только революция. Государство вообще, т. е. самая полная демократия, может только «отмереть».

В-четвертых. Выставив свое знаменитое положение: «государство отмирает», Энгельс сейчас же поясняет конкретно, что направляется это положение и против оппортунистов и против анархистов. При этом на первое место поставлен у Энгельса тот вывод из положения об «отмирании государства», который направлен против оппортунистов.

Можно биться о заклад, что из 10 000 человек, которые читали или слыхали об «отмирании» государства, 9990 со-

всем не знают или не помнят, что Энгельс направлял свои выводы из этого положения *не только* против анархистов. А из остальных десяти человек, наверное, девять не знают, что такое «свободное народное государство» и почему в нападении на этот лозунг заключается нападение на оппортунистов. Так пишется история! Так происходит незаметная подделка великого революционного учения под господствующую обывательщину. Вывод против анархистов тысячи раз повторялся, опошлялся, вбивался в головы наиболее упрощенно, приобрел прочность предрассудка. А вывод против оппортунистов затушевывали и «забыли»!

«Свободное народное государство» было программным требованием и ходячим лозунгом немецких социал-демократов 70-х годов. Никакого политического содержания, кроме мещански-напыщенного описания понятия демократии, в этом лозунге нет. Поскольку в нем легально намекали на демократическую республику, постольку Энгельс готов был «на время» «оправдать» этот лозунг с агитаторской точки зрения. Но этот лозунг был оппортунистичен, ибо выражал не только подкрашивание буржуазной демократии, но и непонимание социалистической критики всякого государства вообще. Мы за демократическую республику, как наилучшую для пролетариата форму государства при капитализме, но мы не вправе забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике. Далее. Всякое государство есть «особая сила для по-

давления» угнетенного класса. Поэтому *всякое* государство *не* – свободно и *не* – народно. Маркс и Энгельс неоднократно разъясняли это своим партийным товарищам в 70-х годах.

В-пятых. В том же самом сочинении Энгельса, из которого все помнят рассуждение об отмирании государства, есть рассуждение о значении насильственной революции. Историческая оценка ее роли превращается у Энгельса в настоящий панегирик насильственной революции. Этого «никто не помнит», о значении этой мысли говорить и даже думать в современных социалистических партиях не принято, в повседневной пропаганде и агитации среди масс эти мысли никакой роли не играют. А между тем они связаны с «отмиранием» государства неразрывно, в одно стройное целое.

Вот это рассуждение Энгельса:

...«Что насилие играет также в истории другую роль» (кроме свершителя зла), «именно революционную роль, что оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы, – обо всем этом ни слова у г-на Дюринга. Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйничанья понадобится, может быть, насилие – к сожалению, извольте видеть! ибо всякое применение насилия

деморализует, дескать, того, кто его применяет. И это говорится, несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции! И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, которое ведь может быть навязано народу, имело бы по меньшей мере то преимущество, что вытравило бы дух холопства, проникший в национальное сознание из унижения тридцатилетней войны. И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеет предлагать себя самой революционной партии, какую только знает история?»

(стр. 193 по 3-му нем. изд., конец 4-ой главы II отдела).

Как можно соединить в одном учении этот панегирик насильственной революции, настойчиво преподносимый Энгельсом немецким социал-демократам с 1878 по 1894 год, т. е. до самой его смерти, с теорией «отмирания» государства?

Обычно соединяют то и другое при помощи эклектицизма, безидейного или софистического выхватывания произвольно (или для угождения власть имущим) то одного, то другого рассуждения, причем в девяносто девяти случаях из ста, если не чаще, выдвигается на первый план именно «отмирание». Диалектика заменяется эклектицизмом: это самое обычное, самое распространенное явление в официальной социал-демократической литературе наших дней по отношению к марксизму. Такая замена, конечно, не новость,

она наблюдалась даже в истории классической греческой философии. При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и проч., а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития.

Мы уже говорили выше и подробнее покажем в дальнейшем изложении, что учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной революции относится к буржуазному государству. Оно смениться государством пролетарским (диктатурой пролетариата) *не может* путем «отмирания», а может, по общему правилу, лишь насильственной революцией. Панегирик, воспетый ей Энгельсом и вполне соответствующий многократным заявлениям Маркса – (вспомним конец «Нищеты философии» и «Коммунистического Манифеста» с гордым, открытым заявлением неизбежности насильственной революции; вспомним критику Готской программы 1875 года, почти 30 лет спустя, где Маркс беспощадно бичует оппортунизм этой программы²) – этот панегирик от-

² *Готская программа* – программа Социалистической рабочей партии Германии, принятая в 1875 году на съезде в Готе при объединении двух, существовавших до того отдельно, немецких социалистических партий – эйзенахцев и лассальянцев. Программа была насквозь оппортунистической, так как эйзенахцы по всем важнейшим вопросам сделали уступки лассальянцам и приняли лассальянские формулировки. Маркс и Энгельс подвергли Готскую программу уничтожа-

нюдь не «увлечение», отнюдь не декламация, не полемическая выходка. Необходимость систематически воспитывать массы в *таком* и именно таком взгляде на насильственную революцию лежит в основе *всего* учения Маркса и Энгельса. Измена их учению господствующими ныне социал-шовинистским и каутскианским течениями особенно рельефно выражается в забвении и теми и другими *такой* пропаганды, такой агитации.

Смена буржуазного государства пролетарским невозможно без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т. е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем «отмирания».

Подробное и конкретное развитие этих взглядов Маркс и Энгельс давали, изучая каждую отдельную революционную ситуацию, анализируя уроки опыта каждой отдельной революции. К этой, безусловно самой важной, части их учения мы и переходим.

Глава II

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ 1848—1851 ГОДОВ

1. Канун революции

Первые произведения зрелого марксизма, «Нищета философии» и «Коммунистический Манифест», относятся как раз к кануну революции 1848-го года. В силу этого обстоятельства, наряду с изложением общих основ марксизма, мы имеем здесь до известной степени отражение тогдашней конкретной революционной ситуации, и поэтому целесообразнее будет, пожалуй, рассмотреть то, что говорится авторами этих произведений о государстве, непосредственно перед их выводами из опыта 1848—1851 годов.

...«Рабочий класс – пишет Маркс в «Нищете философии» – поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов

внутри буржуазного общества»
(стр. 182 нем. изд. 1885 г.).

Поучительно сопоставить с этим общим изложением мысли об исчезновении государства после уничтожения классов то изложение, которое дано в написанном Марксом и Энгельсом несколько месяцев спустя, – именно, в ноябре 1847 года, – «Коммунистическом Манифесте»:

...«Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»...

...«Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение» (буквально: повышение) «пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии».

«Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. организованного, как господствующий класс, пролетариата, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» (стр. 31 и 37 по 7-му нем. изд. 1906 года).

Здесь мы видим формулировку одной из самых замечательных и важнейших идей марксизма в вопросе о государстве, именно идеи «диктатуры пролетариата» (как стали говорить Маркс и Энгельс после Парижской Коммуны), а затем в высшей степени интересное определение государства, принадлежащее тоже к числу «забытых слов» марксизма. *«Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат».*

Это определение государства не только никогда не разъяснялось в господствующей пропагандистской и агитационной литературе официальных социал-демократических партий. Мало того. Оно было именно забыто, так как оно совершенно непримиримо с реформизмом, оно бьет в лицо обычным оппортунистическим предрассудкам и мещанским иллюзиям насчет «мирного развития демократии».

Пролетариату нужно государство – это повторяют все оппортунисты, социал-шовинисты и каутскианцы, уверяя, что таково учение Маркса, и «забывая» добавить, что, во-первых, по Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. А, во-вторых, трудящимся нужно «государство», «то есть организованный в господствующий класс пролетариат».

Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только экс-

плуататорский класс, т. е. буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее.

Эксплуататорским классам нужно политическое господство в интересах поддержания эксплуатации, т. е. в корыстных интересах ничтожного меньшинства, против громаднейшего большинства народа. Эксплуатируемым классам нужно политическое господство в интересах полного уничтожения всякой эксплуатации, т. е. в интересах громаднейшего большинства народа, против ничтожного меньшинства современных рабовладельцев, т. е. помещиков и капиталистов.

Мелкобуржуазные демократы, эти якобы социалисты, заменявшие классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов, представляли себе и социалистическое преобразование мечтательным образом, не в виде свержения господства эксплуататорского класса, а в виде мирного подчинения меньшинства понявшему свои задачи большинству. Эта мелкобуржуазная утопия, неразрывно связанная с признанием надклассового государства, приводила на практике к предательству интересов трудящихся классов, как это и показала, напр., история французских революций 1848 и 1871 го-

дов, как это показал опыт «социалистического» участия в буржуазных министерствах в Англии, во Франции, в Италии и других странах в конце XIX и в начале XX века.

Маркс всю свою жизнь боролся с этим мелкобуржуазным социализмом, ныне возрожденным в России партиями эсеров и меньшевиков. Маркс провел учение о классовой борьбе последовательно вплоть до учения о политической власти, о государстве.

Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого готовят его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, расплывает крестьянство и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает, объединяет, организует пролетариат. Только пролетариат, – в силу экономической роли его в крупном производстве, – способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение.

Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию *политического господства* пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превраще-

нием пролетариата в *господствующий класс*, способный подавить неизбежное, отчаянное, сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства *все* трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства.

Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии. Наоборот, господствующий ныне оппортунизм воспитывает из рабочей партии отрывающихся от массы представителей лучше оплачиваемых рабочих, «устраивающихся» сносно при капитализме, продающих за чечевичную похлебку свое право первородства, т. е. отказывающихся от роли революционных вождей народа против буржуазии.

«Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат», – эта теория Маркса неразрывно связана со всем его учением о революционной роли пролетариата в истории. Завершение этой роли есть пролетарская дикта-

тура, политическое господство пролетариата.

Но если пролетариату нужно государство, как *особая* организация насилия *против* буржуазии, то отсюда сам собой напрашивается вывод, мыслимо ли создание такой организации без предварительного уничтожения, без разрушения той государственной машины, которую создала *себе* буржуазия? К этому выводу вплотную подводит «Коммунистический Манифест» и об этом выводе говорит Маркс, подводя итоги опыту революции 1848—1851 годов.

2. Итоги революции

По интересующему нас вопросу о государстве Маркс подводит итоги революции 1848—1851 годов в следующем рассуждении, из сочинения «18-ое Брюмера Луи Бонапарта»:

...«Но революция основательна. Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически. До 2-го декабря 1851-го года» (день совершения государственного переворота Луи Бонапартом) «она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она доводит до совершенства парламентарную власть, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства *исполнительную власть*, сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе, как единственный упрек, *чтобы сконцентрировать против нее все силы разрушения*» (курсив наш). «И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: ты хорошо роешь, старый крот!

Эта исполнительная власть, с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона

человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сетью все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху самодержавной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять». Первая французская революция развила централизацию, «но вместе с тем расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти. Наполеон завершил эту государственную машину». Легитимная монархия и июльская монархия «не прибавили ничего нового, кроме большего разделения труда»...

...«Наконец, парламентарная республика оказалась в своей борьбе против революции вынужденной усилить, вместе с мерами репрессии, средства и централизацию правительственной власти. *Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее*» (курсив наш). «Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе»

(«18-ое Брюмера Луи Бонапарта», стр. 98—99, изд. 4-е, Гамбург, 1907 г.).

В этом замечательном рассуждении марксизм делает громадный шаг вперед по сравнению с «Коммунистическим Манифестом». Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях.

Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве. И именно это основное не только совершенно *забыто* господствующими официальными социал-демократическими партиями, но и прямо *извращено* (как увидим ниже) виднейшим теоретиком II Интернационала К. Каутским.

В «Коммунистическом Манифесте» подведены общие итоги истории, заставляющие видеть в государстве орган классового господства и приводящее к необходимому заключению, что пролетариат не может свергнуть буржуазии, не завоевав сначала политической власти, не получив политического господства, не превратив государства в «организованный, как господствующий класс, пролетариат», и что это пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно. Здесь не ставится вопрос о том, какова же должна – с точки зрения исторического развития – быть эта смена буржуазного государства пролетарским.

Именно такой вопрос Маркс ставит и решает в 1852-ом году. Верный своей философии диалектического материализма, Маркс берет в основу исторический опыт великих годов революции – 1848—1851. Учение Маркса и здесь – как

и всегда – есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории *подытоживание опыта*.

Вопрос о государстве ставится конкретно: как исторически возникло буржуазное государство, необходимая для господства буржуазии государственная машина? каковы ее изменения, какова ее эволюция в ходе буржуазных революций и перед лицом самостоятельных выступлений угнетенных классов? каковы задачи пролетариата по отношению к этой государственной машине?

Централизованная государственная власть, свойственная буржуазному обществу, возникла в эпоху падения абсолютизма. Два учреждения наиболее характерны для этой государственной машины: чиновничество и постоянная армия. О том, как тысячи нитей связывают эти учреждения именно с буржуазией, говорится неоднократно в сочинениях Маркса и Энгельса. Опыт каждого рабочего поясняет эту связь с чрезвычайной наглядностью и внушительностью. Рабочий класс на своей шкуре учится познавать эту связь, – вот почему он так легко схватывает и так твердо усваивает науку о неизбежности этой связи, науку, которую мелкобуржуазные демократы либо невежественно и легкомысленно отрицают, либо еще легкомысленнее признают «вообще», забывая делать соответствующие практические выводы.

Чиновничество и постоянная армия, это – «паразит» на теле буржуазного общества, паразит, порожденный внутрен-

ними противоречиями, которые это общество раздирают, но именно паразит, «затыкающий» жизненные поры. Господствующий ныне в официальной социал-демократии каутскианский оппортунизм считает взгляд на государство, как на *паразитический организм*, специальной и исключительной принадлежностью анархизма. Разумеется, это извращение марксизма чрезвычайно выгодно тем мещанам, которые довели социализм до неслыханного позора оправдания и прикрашивания империалистской войны путем применения к ней понятия «защита отечества», но все же это – безусловное извращение.

Через все буржуазные революции, которых видала Европа многое множество со времени падения феодализма, идет развитие, усовершенствование, укрепление этого чиновничьего и военного аппарата. В частности, именно мелкая буржуазия привлекается на сторону крупной и подчиняется ей в значительной степени посредством этого аппарата, дающего верхним слоям крестьянства, мелких ремесленников, торговцев и проч. сравнительно удобные, спокойные и почетные местечки, ставящие обладателей их *над* народом. Возьмите то, что произошло в России за полгода после 27 февраля 1917 г.: чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров. Ни о каких серьезных реформах, в сущности, не думали, стараясь оттягивать их «до Учредительного собрания» – а Учредительное собрание от-

тягивать помаленьку до конца войны! С дележом же добычи, с занятием местечек министров, товарищей министра, генерал-губернаторов и прочее и прочее не медлили и никакого Учредительного собрания не ждали! Игра в комбинации насчет состава правительства была, в сущности, лишь выражением этого раздела и передела «добычи», идущего и вверху и внизу, во всей стране, во всем центральном и местном управлении. Итог, объективный итог за полгода 27 февраля – 27 августа 1917 г. несомненен: реформы отложены, раздел чиновничьих местечек состоялся, и «ошибки» раздела исправлены несколькими переделами.

Но чем больше происходит «переделов» чиновничьего аппарата между различными буржуазными и мелкобуржуазными партиями (между кадетами, эсерами и меньшевиками, если взять русский пример), тем яснее становится угнетенным классам, и пролетариату во главе их, их непримиримая враждебность ко *всему* буржуазному обществу. Отсюда необходимость для всех буржуазных партий, даже для самых демократических и «революционно-демократических» в том числе, усиливать репрессии против революционного пролетариата, укреплять аппарат репрессий, т. е. ту же государственную машину. Такой ход событий вынуждает революцию «*концентрировать все силы разрушения*» против государственной власти, вынуждает поставить задачей не улучшение государственной машины, а *разрушение, уничтожение* ее.

Не логические рассуждения, а действительное развитие событий, живой опыт 1848—1851 годов привели к такой постановке задачи. До какой степени строго держится Маркс на фактической базе исторического опыта, это видно из того, что в 1852 году он не ставит еще конкретно вопроса о том, *чем* заменить эту подлежащую уничтожению государственную машину. Опыт не давал еще тогда материала для такого вопроса, поставленного историей на очередь дня позже, в 1871 году. В 1852 году с точностью естественно-исторического наблюдения можно было лишь констатировать, что пролетарская революция *подошла* к задаче «сосредоточить все силы разрушения» против государственной власти, к задаче «сломать» государственную машину.

Здесь может возникнуть вопрос, правильным ли является обобщение опыта, наблюдений и заключений Маркса, перенесение их на пределы более широкие, чем история Франции за три года, 1848—1851 годы? Для разбора этого вопроса напомним сначала одно замечание Энгельса, а затем перейдем к фактическим данным.

...«Франция – писал Энгельс в предисловии к 3-му изданию «18-го Брюмера» – Франция есть страна, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты.

Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии, с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна» (стр. 4 в изд. 1907 г.).

Последнее замечание устарело, поскольку с 1871-го года наступил перерыв в революционной борьбе французского пролетариата, хотя этот перерыв, каким бы продолжительным он ни был, не устраняет несколько возможности того, что в грядущей пролетарской революции Франция проявит себя, как классическая страна борьбы классов до решительного конца.

Но бросим общий взгляд на историю передовых стран в конце XIX и начале XX века. Мы увидим, что медленнее, многообразнее, на гораздо более широкой арене происходил тот самый процесс, с одной стороны, выработки «парламентарной власти» как в республиканских странах (Франция, Америка, Швейцария), так и в монархических (Англия, Германия до известной степени, Италия, скандинавские страны и т. д.), – с другой стороны, борьбы за власть различных буржуазных и мелкобуржуазных партий, деливших и переделявших «добычу» чиновничьих местечек, при неизменности основ буржуазного строя, – наконец, усовершенствована

ния и укрепления «исполнительной власти», ее чиновничьего и военного аппарата.

Нет никакого сомнения, что это – общие черты всей новейшей эволюции капиталистических государств вообще. За три года, 1848—1851, Франция в быстрой, резкой, концентрированной форме показала те самые процессы развития, которые свойственны всему капиталистическому миру.

В особенности же империализм, эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление «государственной машины», неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах.

Всемирная история подводит теперь, несомненно, в несравненно более широком масштабе, чем в 1852 году, к «концентрации всех сил» пролетарской революции на «разрушении» государственной машины.

Чем заменит ее пролетариат, об этом поучительнейший материал дала Парижская Коммуна.

3. Постановка вопроса Марксом в 1852 году³

В 1907 году Меринг опубликовал в журнале «Neue Zeit»⁴ (XXV, 2, 164) выдержки из письма Маркса к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. В этом письме содержится, между прочим, следующее замечательное рассуждение:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего:

1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства (*historische Entwicklungsphasen der*

³ Добавлено ко второму изданию.

⁴ «*Die Neue Zeit*» («Новое Время») – журнал германской социал-демократии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. В 1885—1895 годах в «*Die Neue Zeit*» были опубликованы некоторые статьи Ф. Энгельса. Он часто давал указания редакции журнала и резко критиковал ее за отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал систематически печатал статьи ревизионистов. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) журнал занимал центристскую, каутскианскую позицию, поддерживал социал-шовинистов.

Производство),

2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата,

3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»...

В этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве.

Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе *не* Марксом, а буржуазией *до* Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, *приемлемо*. Кто признает *только* борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов – значит урезать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание

и признание марксизма. И неудивительно, что когда история Европы подвела рабочий класс *практически* к данному вопросу, то не только все оппортунисты и реформисты, но и все «каутскианцы» (колеблющиеся между реформизмом и марксизмом люди) оказались жалкими филистерами и мелкобуржуазными демократами, *отрицающими* диктатуру пролетариата. Брошюра Каутского «Диктатура пролетариата», вышедшая в августе 1918 г., т. е. много спустя после первого издания настоящей книжки, есть образец мещанского искажения марксизма и подлого отречения от него *на деле*, при лицемерном признании его *на словах* (см. мою брошюру: «Пролетарская революция и ренегат Каутский», Петроград и Москва 1918 г.).

Современный оппортунизм в лице его главного представителя, бывшего марксиста К. Каутского, подпадает целиком под приведенную характеристику *буржуазной* позиции у Маркса, ибо этот оппортунизм ограничивает область признания классовой борьбы областью буржуазных отношений. (А внутри этой области, в рамках ее ни один образованный либерал не откажется «принципиально» признать классовую борьбу!) Оппортунизм *не доводит* признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода *перехода* от капитализма к коммунизму, до периода *свержения* буржуазии и полного *уничтожения* ее. В действительности этот период неминуемо является периодом невиданно ожесточенной классовой борьбы, невиданно острых форм ее, а сле-

довательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии).

Далее. Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*.

Глава III

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 ГОДА. АНАЛИЗ МАРКСА

1. В чем героизм попытки коммунаров?

Известно, что за несколько месяцев до Коммуны, осенью 1870-го года, Маркс предостерегал парижских рабочих, доказывая, что попытка свергнуть правительство была бы глупостью отчаяния. Но когда в марте 1871-го года рабочим *навязали* решительный бой и они его приняли, когда восстание стало фактом, Маркс с величайшим восторгом приветствовал пролетарскую революцию, несмотря на плохие предзнаменования. Маркс не уперся на педантском осуждении «несвоевременного» движения, как печально-знаменитый русский ренегат марксизма Плеханов, в ноябре 1905 года писавший в духе поощрения борьбы рабочих и крестьян, а после декабря 1905 года по-либеральному кричавший: «не надо было братья за оружие».

Маркс, однако, не только восторгался героизмом «штур-

мовавших небо», по его выражению, коммунаров. В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, он видел громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений. Анализировать этот опыт, извлечь из него уроки тактики, пересмотреть на основании его свою теорию – вот как поставил свою задачу Маркс.

Единственная «поправка» к «Коммунистическому Манифесту», которую счел необходимым сделать Марке, была сделана им на основании революционного опыта парижских коммунаров.

Последнее предисловие к новому немецкому изданию «Коммунистического Манифеста», подписанное обоими его авторами, помечено 24-ым июня 1872-го года. В этом предисловии авторы, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, говорят, что программа «Коммунистического Манифеста» «теперь местами устарела».

... «В особенности – продолжают они – Коммуна доказала, что „рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей“...»

Взятые во вторые кавычки слова этой цитаты заимствованы ее авторами из сочинения Маркса: «Гражданская война во Франции».

Итак, один основной и главный урок Парижской Комму-

ны Маркс и Энгельс считали имеющим такую гигантскую важность, что они внесли его, как существенную поправку к «Коммунистическому Манифесту».

Чрезвычайно характерно, что именно эта существенная поправка была искажена оппортунистами, и смысл ее, наверное, неизвестен девяти десятым, если не девяносто девяти сотым читателей «Коммунистического Манифеста». Подробно об этом искажении мы скажем ниже, в главе, специально посвященной искажениям. Теперь достаточно будет отметить, что ходячее, вульгарное «понимание» приведенного нами знаменитого изречения Маркса состоит в том, будто Маркс подчеркивает здесь идею медленного развития в противоположность захвату власти и тому подобное.

На самом деле *как раз наоборот*. Мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен *разбить, сломать* «готовую государственную машину», а не ограничиваться простым захватом ее.

12-го апреля 1871-го года, т. е. как раз во время Коммуны, Маркс писал Кугельману:

... «Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го Брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее» (курсив Маркса; в оригинале стоит *zerbrechen*), «и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в

этом и состоит попытка наших героических парижских товарищей» (стр. 709 в «Neue Zeit», XX, 1, год 1901—1902). (Письма Маркса к Кугельману вышли по-русски не менее как в двух изданиях, одно из них под моей редакцией и с моим предисловием.)

В этих словах: «сломать бюрократически-военную государственную машину» заключается, кратко выраженный, главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству. И именно этот урок не только совершенно забыт, но и прямо извращен господствующим, каутскианским, «толкованием» марксизма!

Что касается до ссылки Маркса на «18-ое Брюмера», то мы привели выше полностью соответствующее место.

Интересно отметить особо два места в приведенном рассуждении Маркса. Во-первых, он ограничивает свой вывод континентом. Это было понятно в 1871-ом году, когда Англия была еще образцом страны чисто-капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной *без* предварительного условия разрушения «готовой государственной машины».

Теперь, в 1917-ом году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает. И Англия и Америка, крупнейшие и последние – во всем мире – представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсут-

ствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является *ломка, разрушение* «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 годах до «европейского», общеимпериалистского, совершенства) «государственной машины».

Во-вторых, особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной *народной* революции». Это понятие «народной» революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертвенно.

Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и «политиче-

скими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают. Напротив, русская буржуазная революция 1905—1907 годов, хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого.

В Европе 1871-го года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплуатирует их. *Разбить* эту машину, *сломать* ее – таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочно демократия и невозможно социалистическое преобразование.

К такому союзу, как известно, и пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин

внутреннего и внешнего характера.

Следовательно, говоря о «действительно народной революции», Маркс, нисколько не забывая особенностей мелкой буржуазии (о них он говорил много и часто), строжайше учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871-м году. А с другой стороны, он констатировал, что «разбитие» государственной машины требуется интересами и рабочих и крестьян, объединяет их, ставит перед ними общую задачу устранения «паразита» и замены его чем-либо новым.

Чем же именно?

2. Чем заменить разбитую государственную машину?

На этот вопрос в 1847-ом году, в «Коммунистическом Манифесте», Маркс давал ответ еще совершенно абстрактный, вернее, указывающий задачи, но не способы их разрешения. Заменить «организацией пролетариата в господствующий класс», «завоеванием демократии» – таков был ответ «Коммунистического Манифеста».

Не вдаваясь в утопии, Маркс от *опыта* массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы «эта организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным „завоеванием демократии“».

Опыт Коммуны, как бы он ни был мал, Маркс подвергает в «Гражданской войне во Франции» самому внимательному анализу. Приведем важнейшие моменты из этого сочинения:

В XIX веке развилась происходящая от средних веков «централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством, судейским сословием». С развитием классового антагонизма между капиталом и трудом «государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, характер машины классов-

вого господства. После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто». Государственная власть после революции 1848—1849 гг. становится «национальным орудием войны капитала против труда». Вторая империя закрепляет это.

«Прямой противоположностью империи была Коммуна». «Она была определенной формой» «такой республики, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство»...

В чем именно состояла эта «определенная» форма пролетарской, социалистической республики? Каково было государство, которое она начала создавать?

...«Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом»...

Это требование стоит теперь в программах всех, желающих называться социалистическими, партий. Но чего стоят их программы, лучше всего видно из поведения наших эсеров и меньшевиков, на деле отказавшихся как раз после революции 27 февраля от проведения в жизнь этого требования!

...«Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое

время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса»...

...«Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время... То же самое – чиновники всех остальных отраслей управления... Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами... По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, силу попов... Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми»...

Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз

один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (= особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство.

Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала. Но подавляющим органом является здесь уже большинство населения, а не меньшинство, как бывало всегда и при рабстве, и при крепостничестве, и при наемном рабстве. А раз большинство народа *само* подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления *уже не нужно!* В этом смысле государство *начинает отмирать*. Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии), само большинство может непосредственно выполнять это, а чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти.

Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы *всем* должностным лицам в государстве до уровня (*заработной платы рабочего*). Тут как раз всего

нагляднее сказывается *перелом* — от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от государства, как «особой силы» для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян. И именно на этом, особенно наглядном — по вопросу о государстве, пожалуй, наиболее важном пункте уроки Маркса наиболее забыты! В популярных комментариях — им же несть числа — об этом не говорят. «Принято» об этом умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время, — вроде того как христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом.

Понижение платы высшим государственным чиновникам кажется «просто» требованием наивного, примитивного демократизма. Один из «основателей» новейшего оппортунизма, бывший социал-демократ Эд. Бернштейн не раз упражнялся в повторении пошлых буржуазных насмешечек над «примитивным» демократизмом. Как и все оппортунисты, как и теперешние каутскианцы, он совершенно не понял того, что, во-первых, переход от капитализма к социализму *невозможен* без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?), а во-вторых, что «примитив-

ный демократизм» на базе капитализма и капиталистической культуры – не то, что примитивный демократизм в первобытные или в докапиталистические времена. Капиталистическая культура *создала* крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и пр., а *на этой базе* громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного».

Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто-политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т. е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность.

«Коммуна – писал Маркс – сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов, армию и чиновничество».

Из крестьянства, как и из других слоев мелкой буржуазии, лишь ничтожное меньшинство «поднимается вверх», «выходит в люди» в буржуазном смысле, т. е. превращается либо в зажиточных людей, в буржуа, либо в обеспеченных и привилегированных чиновников. Громадное большинство крестьянства во всякой капиталистической стране, где только есть крестьянство (а таких капиталистических стран большинство), угнетено правительством и жаждет свержения его, жаждет «дешевого» правительства. Осуществить это может *только* пролетариат и, осуществляя это, он делает вместе с тем шаг к социалистическому переустройству государства.

3. Уничтожение парламентаризма

«Коммуна – писал Маркс – должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»...

...«Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (*ver- und zertreten*) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю».

Эта замечательная критика парламентаризма, данная в 1871-ом году, тоже принадлежит теперь, благодаря господству социал-шовинизма и оппортунизма, к числу «забытых слов» марксизма. Министры и парламентарии по профессии, изменники пролетариату и «деляческие» социалисты наших дней предоставили критику парламентаризма всецело анархистам, и на этом удивительно-разумном основании объявили *всякую* критику парламентаризма «анархизмом»!! Ничего нет странного, что пролетариат «передовых» парламентских стран, испытывая омерзение при виде таких «социа-

листов», как Шейдеманы, Давиды, Логины, Самба, Ренодели, Гендерсоны, Вандервельды, Стаунинги, Брантинги, Биссолати и К°, все чаще отдавал свои симпатии анархо-синдикализму, несмотря на то, что это был родной брат оппортунизма.

Но для Маркса революционная диалектика никогда не была той пустой модной фразой, побрякушкой, которой сделали ее Плеханов, Каутский и пр. Маркс умел беспощадно рвать с анархизмом за неумение использовать даже «хлев» буржуазного парламентаризма, особенно когда заведомо нет налицо революционной ситуации, – но в то же время он умел и давать действительно революционно-пролетарскую критику парламентаризма.

Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте, – вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках.

Но если ставить вопрос о государстве, если рассматривать парламентаризм, как одно из учреждений государства, с точки зрения задач пролетариата в этой области, то где же выход из парламентаризма? как же можно обойтись без него?

Опять и опять приходится сказать: уроки Маркса, основанные на изучении Коммуны, настолько забыты, что современному «социал-демократу» (читай: современному предателю социализма) прямо-таки непонятна иная критика пар-

ламентаризма, кроме анархической или реакционной.

Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения. «Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы».

«Не парламентское, а работающее» учреждение, это сказано не в бровь, а в глаз современным парламентариям и парламентским «комнатным собачкам» социал-демократии! Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящую «государственную» работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать «простонародье». Это до такой степени верно, что даже в русской республике, буржуазно-демократической республике, раньше чем она успела создать настоящий парламент, сказались уже тотчас все эти грехи парламентаризма. Такие герои гнилого мещанства, как Скобелевы и Церетели, Черновы и Авксентьевы, сумели и Советы испоганить по типу гнуснейшего буржуазного парламентаризма, превратив их в пустые говорильни. В Советах господ «социалистические» министры надувают доверчивых мужичков фразерством и резолюциями. В правительстве идет перманентный кадриль, с одной стороны, чтобы по очереди сажать «к пирогу» доходных и

почетных местечек побольше эсеров и меньшевиков, с другой стороны, чтобы «занять внимание» народа. А в канцеляриях, в штабах «работают» «государственную» работу!

«Дело Народа», орган правящей партии «социалистов-революционеров», недавно в редакционной передовице признался, – с бесподобной откровенностью людей из «хорошего общества», в котором «все» занимаются политической проституцией, – что даже в тех министерствах, кои принадлежат «социалистам» (извините за выражение!), даже в них весь чиновничий аппарат остается в сущности старым, функционирует по-старому, саботирует революционные начинания вполне «свободно»! Да если бы не было этого признания, разве фактическая история участия эсеров и меньшевиков в правительстве не доказывает этого? Характерно тут только то, что, находясь в министерском обществе с кадетами, господа Черновы, Русановы, Зензиновы и прочие редакторы «Дела Народа» настолько потеряли стыд, что не стесняются публично, как о пустячке, рассказывать, не краснея, что «у них» в министерствах все по-старому!! Революционно-демократическая фраза – для одурачения деревенских Иванушек, а чиновничья канцелярская волокита для «ублаговторения» капиталистов – вот вам *суть* «честной» коалиции.

Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парла-

ментарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения-труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь *нет*. Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии, без парламентаризма можем и *должны*, если критика буржуазного общества для нас не пустые слова, если стремление свергнуть господство буржуазии есть наше серьезное и искреннее стремление, а не «избирательная» фраза для уловления голосов рабочих, как у меньшевиков и эсеров, как у Шейдеманов и Легинов, Самба и Вандервельдов.

Крайне поучительно, что, говоря о функциях *того* чиновничества, которое нужно и Коммуне, и пролетарской демократии, Маркс берет для сравнения служащих «всякого другого работодателя», т. е. обычное капиталистическое предприятие с «рабочими, надсмотрщиками и бухгалтерами».

У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественно-исторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические

уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса, никогда не относясь к ним с педантскими «нравоучениями» (вроде плехановского: «не надо было братья за оружие» или церетелевского: «класс должен самоограничиваться»).

Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это – утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на-нет всякое чиновничество, это *не* утопия, это – опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата.

Капитализм упрощает функции «государственного» управления, позволяет отбросить «начальствование» и свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей «рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров».

Мы не утописты. Мы не «мечтатели» о том, как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся – пролетариату. Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего».

Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, *сами* мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней) – вот *наша*, пролетарская задача, вот с чего можно и должно *начать* при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному «отмиранию» всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, – порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство, – такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как *особые* функции особого слоя людей...

Один остроумный немецкий социал-демократ семидесятых годов прошлого века назвал *почту* образцом социалистического хозяйства. Это очень верно. Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу государственно-капиталистической монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа. Над «простыми» трудящимися, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же буржуазная бюрократия. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства – и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу *всех* их, как и *всех* вообще «государственных» чиновников, заработной платой рабочего. Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплуатации, учитывающая опыт, практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной.

Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и *все* должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооружен-

ного пролетариата – вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от проституирования этих учреждений буржуазией.

4. Организация единства нации

...«В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была... стать политической формой даже самой маленькой деревни»...

От коммун выбиралась бы и «национальная делегация» в Париже.

...«Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены, – такое утверждение было сознательным подлогом, – а должны были быть переданы коммунальным, т. е. строго ответственным, чиновникам»...

...«Единство нации подлежало не уничтожению, а напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации»... «Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции

отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества».

До какой степени не поняли – может быть, вернее будет сказать: не захотели понять – оппортунисты современной социал-демократии эти рассуждения Маркса, лучше всего показывает геростратовски-знаменитая книга ренегата Бернштейна: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Именно по поводу приведенных слов Маркса Бернштейн писал, что эта программа «по своему политическому содержанию обнаруживает во всех существенных чертах величайшее сходство с федерализмом – Пру дона... При всех прочих расхождениях между Марксом и «мелким буржуа» Прудон (Бернштейн ставит слова «мелкий буржуа» в кавычки, которые должны быть, по его мнению, ироническими) в этих пунктах ход мысли у них настолько близок, как только возможно». Конечно, продолжает Бернштейн, значение муниципалитетов растет, но «мне кажется сомнительным, чтобы первой задачей демократии было такое упразднение (*Auflösung* – буквально: распушение, растворение) современных государств и такое полное изменение (*Umwandlung* – переворот) их организации, как представляют себе Маркс и Прудон – образование национального собрания из делегатов от провинциальных или областных собраний, которые, в свою очередь, составлялись бы из делегатов от коммун, – так что вся прежняя форма националь-

ных представительств исчезла бы совершенно» (Бернштейн, «Предпосылки», стр. 134 и 136 немецкого издания 1899 года).

Это прямо чудовищно: смешать взгляды Маркса на «уничтожение государственной власти – паразита» с федерализмом Прудона! Но это не случайно, ибо оппортунисту и в голову не приходит, что Маркс говорит здесь вовсе не о федерализме в противовес централизму, а о разбитии старой, буржуазной, во всех буржуазных странах существующей государственной машины.

Оппортунисту приходит в голову только то, что он видит вокруг себя, в среде мещанской обывательщины и «реформистского» застоя, именно только «муниципалитеты»! О революции пролетариата оппортунист разучился и думать.

Это смешно. Но замечательно, что в этом пункте с Бернштейном не спорили. Бернштейна многие опровергали – особенно Плеханов в русской литературе, Каутский в европейской, но ни тот, ни другой об *этом* извращении Маркса Бернштейном *не* говорили.

Оппортунист настолько разучился мыслить революционно и размышлять о революции, что он приписывает «федерализм» Марксу, смешивая его с основателем анархизма Прудоном. А желающие быть ортодоксальными марксистами, отстаивать учение революционного марксизма Каутский и Плеханов об этом молчат! Здесь лежит один из корней того крайнего опошления взглядов на разницу между марксиз-

мом и анархизмом, которое свойственно и каутскианцам и оппортунистам и о котором нам еще придется говорить.

Федерализма в приведенных рассуждениях Маркса об опыте Коммуны нет и следа. Маркс сходится с Прудоном как раз в том, чего не видит оппортунист Бернштейн. Маркс расходится с Прудоном как раз в том, в чем Бернштейн видит их сходство.

Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за «разбитие» современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте.

Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной машины за уничтожение централизма!

Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и *объединят* действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее *всей* нации, всему обществу, раз-

ве это не будет централизм? разве это не будет самый последовательный демократический централизм? и притом пролетарский централизм?

Бернштейну просто не может придти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как всякому филистеру, централизм рисуется, как нечто только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным.

Маркс нарочно, как бы предвидя возможность извращения его взглядов, подчеркивает, что сознательным подлогом являются обвинения Коммуны в том, будто она хотела уничтожить единство нации, отменить центральную власть. Маркс нарочно употребляет выражение «организовать единство нации», чтобы противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему.

Но... хуже всякого глухого, кто не хочет слушать. А оппортунистам современной социал-демократии именно не хочется слушать об уничтожении государственной власти, об отсечении паразита.

5. Уничтожение паразита – государства

Мы привели уже соответствующие слова Маркса и должны дополнить их.

...«Обычной судьбой нового исторического творчества – писал Маркс – является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает (bricht – разбивает) современную государственную власть, была рассматриваема, как воскрешение средневековой коммуны... как союз мелких государств (Монтескье, жирондисты)... как преувеличенная форма старой борьбы против чрезмерной централизации»...

...«Коммунальное устройство вернуло бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции»...

...«Коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в

лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собою разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней».

«Уничтожение государственной власти», которая была «паразитическим наростом», «отсечение» ее, «разрушение» ее; «государственная власть делается теперь излишней» – вот в каких выражениях говорил Маркс о государстве, оценивая и анализируя опыт Коммуны.

Все это писано было без малого полвека тому назад, и теперь приходится точно раскопки производить, чтобы до сознания широких масс довести неизвращенный марксизм. Выводы, сделанные из наблюдений над последней великой революцией, которую пережил Маркс, забыли как раз тогда, когда подошла пора следующих великих революций пролетариата.

...«Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против

класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»...

«Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом»...

Утописты занимались «открыванием» политических форм, при которых должно бы произойти социалистическое переустройство общества. Анархисты отмахивались от вопроса о политических формах вообще. Оппортунисты современной социал-демократии приняли буржуазные политические формы парламентарного демократического государства за предел, его же не преjdeши, и разбивали себе лоб, молясь на этот «образец», объявляли анархизмом всякое стремление *сломать* эти формы.

Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (переходом от государства к не-государству) будет «организованный в господствующий класс пролетариат». Но *открывать* политические формы этого будущего Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением французской истории, анализом ее и заключением, к которому приводил 1851 год: дело подходит к *разрушению* буржуазной государственной машины.

И когда массовое революционное движение пролетариата разразилось, Маркс, несмотря на неудачу этого движения, несмотря на его кратковременность и быющую в глаза сла-

бость, стал изучать, какие формы *открыло* оно.

Коммуна – «открытая наконец» пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

Коммуна – первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которую можно и должно *заменить* разбитое.

Мы увидим в дальнейшем изложении, что русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса.

Глава IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ ЭНГЕЛЬСА

Маркс дал основное по вопросу о значении опыта Коммуны. Энгельс неоднократно возвращался к этой же теме, поясняя анализ и заключения Маркса, иногда с такой силой и рельефностью освещая *другие* стороны вопроса, что на этих пояснениях необходимо особо остановиться.

1. «Жилищный вопрос»

В своем сочинении о жилищном вопросе (1872 г.) Энгельс учитывает уже опыт Коммуны, останавливаясь несколько раз на задачах революции по отношению к государству. Интересно, что на конкретной теме выясняются наглядно, с одной стороны, черты сходства пролетарского государства с теперешним государством, – черты, дающие основание в обоих случаях говорить о государстве, а с другой стороны, черты различия или переход к уничтожению государства.

«Как разрешить жилищный вопрос? В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, т. е. не дает никакого решения. Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших – вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем праздным делом останавливаться на этом. Несомненно одно, – именно,

что уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной *нужде* в жилищах при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. И как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и прочие экспроприации и занятия квартир современным государством» (стр. 22 нем. издания 1887 года).

Здесь изменение формы государственной власти не рассматривается, а берется только содержание ее деятельности. Экспроприации и занятия квартир происходят и по распоряжению теперешнего государства. Пролетарское государство, с формальной стороны дела, тоже «распорядится» занять квартиры и экспроприировать дома. Но ясно, что старый исполнительный аппарат, чиновничество, связанное с буржуазией, был бы просто непригоден для проведения в жизнь распоряжений пролетарского государства.

...«Необходимо констатировать, что фактическое овладение всеми орудиями труда, всей индустрией со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского «выкупа». При последнем отдельный рабочий становится

собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда остается «трудящийся народ». Пользование этими домами, фабриками и проч. едва ли будет предоставляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение поземельной собственности не предполагает уничтожения поземельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом сохранения найма и сдачи в наем» (стр. 68).

Вопрос, затронутый в этом рассуждении, именно: об экономических основаниях отмирания государства, мы рассмотрим в следующей главе. Энгельс выражается крайне осторожно, говоря, что пролетарское государство «едва ли-«без платы будет раздавать квартиры, «по крайней мере, в переходное время». Сдача квартир, принадлежащих всему народу, отдельным семьям за плату предполагает и взимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку распределения квартир. Все это требует известной формы государства, но вовсе не требует особого военного и бюрократического аппарата с особо привилегированным положением должностных лиц. А переход к такому положению дел, когда можно будет бесплатно отдавать квартиры, связан

с полным «отмиранием» государства.

Говоря о переходе бланкистов, после Коммуны и под влиянием ее опыта, на принципиальную позицию марксизма, Энгельс мимоходом формулирует эту позицию следующим образом:

...«Необходимость политического действия пролетариата и его диктатуры, как переход к отмене классов, а вместе с ними и государства»... (стр. 55).

Какие-нибудь любители буквенной критики или буржуазные «истребители марксизма» усмотрят, пожалуй, противоречие между этим *признанием* «отмены государства» и отрицанием такой формулы, как анархистской, в приведенном выше месте «Анти-Дюринга». Было бы не удивительно, если бы оппортунисты и Энгельса зачислили в «анархисты», — теперь все распространеннее становится со стороны социал-шовинистов обвинение интернационалистов в анархизме.

Что вместе с отменой классов произойдет и отмена государства, этому марксизм учил всегда. Общеизвестное место об «отмирании государства» в «Анти-Дюринге» обвиняет анархистов не просто в том, что они стоят за отмену государства, а в том, что они проповедуют, будто возможно отменить государство «с сегодня на завтра».

Ввиду полного искажения господствующей ныне «социал-демократической» доктриной отношения марксизма к анархизму по вопросу об уничтожении государства, особенно полезно напомнить одну полемику Маркса и Энгельса с

анархистами.

2. Полемика с анархистами

Эта полемика относится к 1873-му году. Маркс и Энгельс дали статьи против прудонистов, «автономистов» или «антиавторитаристов», в итальянский социалистический сборник, и только в 1913 году эти статьи появились в немецком переводе в «Neue Zeit».

...«Если политическая борьба рабочего класса – писал Маркс, высмеивая анархистов с их отрицанием политики, – принимает революционные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломать сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму, вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство»... («Neue Zeit», 1913 – 14, год 32, т. 1, стр. 40).

Вот против какой «отмены» государства восставал исключительно Маркс, опровергая анархистов! Совсем не против того, что государство исчезнет с исчезновением классов или будет отменено с их отменой, а против того, чтобы рабочие отказались от употребления оружия, от организованного насилия, *то есть от государства*, долженствующего служить цели: «сломить сопротивление буржуазии».

Маркс нарочно подчеркивает – чтобы не искажали истинный смысл его борьбы с анархизмом – «революционную и *преходящую* форму» государства, необходимого для пролетариата. Пролетариату только на время нужно государство. Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как *цели*. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса. Маркс выбирает самую резкую и самую ясную постановку вопроса против анархистов: свергая иго капиталистов, должны ли рабочие «сложить оружие» или использовать его против капиталистов, для того, чтобы сломить их сопротивление? А систематическое использование оружия одним классом против другого класса, что это такое, как не «преходящая форма» государства?

Пусть каждый социал-демократ спросит себя: *так* ли ставил он вопрос о государстве в полемике с анархистами? *так* ли ставило этот вопрос огромное большинство официальных социалистических партий второго Интернационала?

Энгельс еще гораздо подробнее и популярнее излагает те же мысли. Он высмеивает прежде всего путаницу мысли у прудонистов, которые звали себя «антиавторитаристами», т. е. отрицали всякий авторитет, всякое подчинение, всякую власть. Возьмите фабрику, железную дорогу, судно

в открытом море – говорит Энгельс – разве не ясно, что без известного подчинения, следовательно, без известного авторитета или власти невозможно функционирование ни одного из этих сложных технических заведений, основанных на применении машин и планомерном сотрудничестве многих лиц?

...«Если я выдвигаю эти аргументы – пишет Энгельс – против самых отчаянных антиавторитаристов, то они могут дать мне лишь следующий ответ: «Да! это правда, но дело идет здесь не об авторитете, которым мы наделяем наших делегатов, а об известном поручении». Эти люди думают, что мы можем изменить известную вещь, если мы изменим ее имя»...

Показав таким образом, что авторитет и автономия – понятия относительные, что область применения их меняется с различными фазами общественного развития, что за абсолюты принимать их нелепо, добавив, что область применения машин и крупного производства все расширяется, Энгельс переходит от общих рассуждений об авторитете к вопросу о государстве.

...«Если бы автономисты – пишет он – хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно было бы столкнуться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и они

борются страстно против слова.

Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том, что государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета.

Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом? Итак: или – или.

Или антиавторитаристы не знают сами, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют делу пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции» (стр. 39).

В этом рассуждении затронуты вопросы, которые следует рассмотреть в связи с темой о соотношении политики и экономики при отмирании государства (этой теме посвящена следующая глава). Таковы вопросы о превращении общественных функций из политических в простые административные и о «политическом государстве». Это последнее выражение, в особенности способное вызвать недоразумения, указывает на процесс отмирания государства: отмирающее государство на известной ступени его отмирания можно назвать неполитическим государством.

Наиболее замечательна в данном рассуждении Энгельса опять-таки постановка вопроса против анархистов. Социал-демократы, желающие быть учениками Энгельса, миллионы раз спорили с 1873-го года против анархистов, но спорили именно *не* так, как можно и должно спорить марксистам. Анархистское представление об отмене государства путано и *нереволюционно*, – вот как ставил вопрос Энгельс. Анархисты именно революции-то в ее возникновении и развитии, в ее специфических задачах по отношению к насилию, авторитету, власти, государству, видеть не хотят.

Обычная критика анархизма у современных социал-демократов свелась к чистойшей мещанской пошлости: «мы-

де признаем государство, а анархисты нет!» Разумеется, такая пошлость не может не отталкивать сколько-нибудь мыслящих и революционных рабочих. Энгельс говорит иное: он подчеркивает, что все социалисты признают исчезновение государства, как следствие социалистической революции. Он ставит затем конкретно вопрос о революции, тот именно вопрос, который обычно социал-демократы из оппортунизма обходят, оставляя его, так сказать, на исключительную «разработку» анархистам. И, ставя этот вопрос, Энгельс берет быка за рога: не следовало ли Коммуне *больше* пользоваться *революционной* властью *государства*, т. е. вооруженного, организованного в господствующий класс пролетариата?

Господствующая официальная социал-демократия от вопроса о конкретных задачах пролетариата в революции обыкновенно отделялась либо просто насмешечкой филистера, либо, в лучшем случае, уклончиво софистическим: «там видно будет». И анархисты получали право говорить против такой социал-демократии, что она изменяет своей задаче революционного воспитания рабочих. Энгельс использует опыт последней пролетарской революции именно для самого конкретного изучения, что и как следует делать пролетариату и по отношению к банкам и по отношению к государству.

3. Письмо к Бебелю

Одним из самых замечательных, если не самым замечательным, рассуждением в сочинениях Маркса и Энгельса по вопросу о государстве является следующее место в письме Энгельса к Бебелю от 18—28 марта 1875 года. Письмо это, заметим в скобках, было напечатано, насколько мы знаем, впервые Бебелем во втором томе его мемуаров («Из моей жизни»), вышедшем в свет в 1911 году, т. е. 36 лет спустя после его составления и отправки.

Энгельс писал Бебелю, критикуя тот самый проект Готской программы, который критиковал и Маркс в знаменитом письме к Бракке, и касаясь специально вопроса о государстве, следующее:

...«Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический Манифест» говорят прямо, что с введением

социалистического общественного строя государство само собою распускается (*sich auflöst*) и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в тем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *государство* слово: «община» (*Gemeinwesen*), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову „коммуна“» (стран. 321—322 немецкого оригинала).

Надо иметь в виду, что это письмо относится к партийной программе, которую Маркс критиковал в письме, помеченном всего несколькими неделями позже данного письма (письмо Маркса от 5 мая 1875 года), и что Энгельс жил тогда, вместе с Марксом, в Лондоне. Поэтому, говоря: «мы» в последней фразе, Энгельс, несомненно, от своего и Маркса имени предлагает вождю немецкой рабочей партии *выкинуть из программы* слово «государство» и заменить его словом «община».

Какой бы вой об «анархизме» подняли главари нынешнего, подделанного под удобства оппортунистов «марксизма»,

если бы им предложили такое исправление программы!

Пусть воют. За это их похвалит буржуазия.

А мы будем делать свое дело. При пересмотре программы вашей партии совет Энгельса и Маркса безусловно следует принять во внимание, чтобы быть ближе к истине, чтобы восстановить марксизм, очистив его от искажений, чтобы вернее направить борьбу рабочего класса за его освобождение. Среди большевиков, наверное, противников совета Энгельса и Маркса не найдется. Трудность будет, пожалуй, только в термине. По-немецки есть два слова: «община», из которых Энгельс выбрал такое, которое *не* означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин. По-русски такого слова нет и, может быть, придется выбрать французское слово «коммуна», хотя это тоже имеет свои неудобства.

«Коммуна не была уже государством в собственном смысле» – вот важнейшее, теоретически, утверждение Энгельса. После изложенного выше, это утверждение вполне понятно. Коммуна *переставала* быть государством, поскольку подавлять ей приходилось не большинство населения, а меньшинство (эксплуататоров); буржуазную государственную машину она разбила; вместо *особой* силы для подавления на сцену выдвигалось само население. Все это отступления от государства в собственном смысле. И если бы Коммуна упрочилась, то в ней сами собой «отмерли» бы следы государства, ей бы не надо было «отменять» его учреждений: они перестали бы функционировать по мере того, как им становилось

бы нечего делать.

«Анархисты колют нам глаза „народным государством“»; говоря это, Энгельс имеет в виду прежде всего Бакунина и его нападки на немецких социал-демократов. Энгельс признает эти нападки *постольку* правильными, поскольку «народное государство» есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и «свободное народное государство». Энгельс старается поправить борьбу немецких социал-демократов против анархистов, сделать эту борьбу принципиально правильной, очистить ее от оппортунистических предрассудков насчет «государства». Увы! Письмо Энгельса 33 лет пролежало под спудом. Мы увидим ниже, что и после опубликования этого письма Каутский упорно повторяет, в сущности, те же ошибки, от которых предостерегал Энгельс.

Бebelь ответил Энгельсу письмом от 21 сентября 1875 г., в котором он писал, между прочим, что «вполне согласен» с его суждением о проекте программы и что он упрекал Либкнехта за уступчивость (стр. 334 нем. издания мемуаров Бебеля, т. II). Но если взять брошюру Бебеля «Наши цели», то мы встретим в ней совершенно неверные рассуждения о государстве:

«Государство должно быть превращено из основанного на *классовом господстве* государства в *народное государство*» (нем. изд. «Unsere Ziele», 1886, стр. 14).

Так напечатано в 9-ом (девятом!) издании брошюры Бебеля! Неудивительно, что столь упорное повторение оппортунистических рассуждений о государстве впитывалось немецкой социал-демократией, особенно когда революционные разъяснения Энгельса клались под спуд, а вся жизненная обстановка надолго «отучала» от революции.

4. Критика проекта эрфуртской программы

Критика проекта Эрфуртской программы, посланная Энгельсом Каутскому 29 июня 1891 года и опубликованная только десять лет спустя в «Neue Zeit», не может быть обойдена при разборе учения марксизма о государстве, потому что она посвящена, главным образом, именно критике *оппортунистических* воззрений социал-демократии в вопросах *государственного* устройства.

Мимоходом отметим, что по вопросам экономики Энгельс дает также одно замечательно ценное указание, которое показывает, как внимательно и вдумчиво следил он именно за видоизменениями новейшего капитализма и как сумел он поэтому предвосхитить в известной степени задачи нашей, империалистской, эпохи. Вот это указание: по поводу слова «отсутствие планомерности» (Planlosigkeit), употребленного в проекте программы для характеристики капитализма, Энгельс пишет:

...«Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности» («Neue Zeit», год 20, т. 1, 1901—1902, стр. 8).

Здесь взято самое основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т. е. империализма, именно, что капитализм превращается в монополистический *капитализм*. Последнее приходится подчеркнуть, ибо самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное. Полной планомерности, конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать. Но поскольку они дают планомерность, поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют, мы остаемся все же при *капитализме*, хотя и в новой его стадии, но несомненно при капитализме. «Близость» *такого* капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а вовсе не доводом за то, чтобы терпимо относиться к отрицанию этой революции и к подкрашиванию капитализма, чем занимаются все реформисты.

Но вернемся к вопросу о государстве. Троякого рода особенно ценные указания дает здесь Энгельс: во-первых, по вопросу о республике; во-вторых, о связи национального вопроса с устройством государства; в-третьих, о местном самоуправлении.

Что касается республики, то Энгельс сделал из этого центр тяжести своей критики проекта Эрфуртской программы. А если мы припомним, какое значение Эрфуртская программа приобрела во всей международной социал-демократии, как она стала образцом для всего второго Интернационала, то без преувеличения можно будет сказать, что Энгельс критикует здесь оппортунизм всего второго Интернационала.

«Политические требования проекта – пишет Энгельс – страдают большим недостатком. *В нем нет того* (курсив Энгельса), что собственно следовало сказать».

И дальше поясняется, что германская конституция есть собственно слепок с реакционнейшей конституции 1850-го года, что рейхстаг есть лишь, как выразился Вильгельм Либкнехт, «фиговый листок абсолютизма», что на основе конституции, узаконяющей мелкие государства и союз немецких мелких государств, хотеть осуществить «превращение всех орудий труда в общую собственность» – «очевидная бессмыслица».

«Касаться этой темы опасно», – добавляет Энгельс, прекрасно знающий, что легально выставить в программе требование республики в Германии нельзя. Но Энгельс не мирится просто-напросто с этим очевидным соображением, которым «все» удовлетворяются. Энгельс продолжает: «Но дело, тем не менее, так или иначе должно быть двинуто. До какой степени это необходимо, показывает именно теперь распро-

страняющийся (einreissende) в большой части социал-демократической печати оппортунизм. Из боязни возобновления закона против социалистов, или вспоминая некоторые сделанные при господстве этого закона преждевременные заявления, хотят теперь, чтобы партия признала теперешний, законный порядок в Германии достаточным для мирного осуществления всех ее требований»...

Что германские социал-демократы действовали из боязни возобновления исключительного закона, этот основной факт Энгельс выдвигает на первый план и, не обвиняясь, называет его оппортунизмом, объявляя, именно в силу отсутствия республики и свободы в Германии, совершенно бессмысленными мечты о «мирном» пути. Энгельс достаточно осторожен, чтобы не связать себе рук. Он признает, что в странах с республикой или с очень большой свободой «можно себе представить» (только «представить»!) мирное развитие к социализму, но в Германии, повторяет он,

...«в Германии, где правительство почти всеильно, а рейхстаг и все другие представительные учреждения не имеют действительной власти, – в Германии провозглашать нечто подобное, и притом без всякой надобности, значит снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы»...

Прикрывателями абсолютизма действительно и оказались в громадном большинстве официальные вожди германской

социал-демократической партии, которая положила «под сукно» эти указания.

...«Подобная политика может лишь, в конце концов, привести партию на ложный путь. На первый план выдвигают общие, абстрактные политические вопросы и таким образом прикрывают ближайшие конкретные вопросы, которые сами собою становятся в порядок дня при первых же крупных событиях, при первом политическом кризисе. Что может выйти из этого, кроме того, что партия внезапно в решающий момент окажется беспомощной, что по решающим вопросам в ней господствует неясность и отсутствие единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались...

Это забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня, эта погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему – может быть происходит и из-за «честных» мотивов. Но это есть оппортунизм и остается оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других...

Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут придти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция»...

Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса, именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата. Ибо такая республика, нисколько не устраняя господства капитала, а следовательно, угнетения масс и классовой борьбы, неизбежно ведет к такому расширению, разворачиванию, раскрытию и обострению этой борьбы, что, раз возникает возможность удовлетворения коренных интересов угнетенных масс, эта возможность осуществляется неминуемо и единственно в диктатуре пролетариата, в руководстве этих масс пролетариатом. Для всего второго Интернационала это – тоже «забытые слова» марксизма, и забвение их необычайно ярко обнаружила история партии меньшевиков за первое полугодие русской революции 1917-го года.

По вопросу о федеративной республике в связи с национальным составом населения Энгельс писал:

«Что должно встать на место теперешней Германии?» (с ее реакционной монархической конституцией и столь же реакционным делением на мелкие государства, делением, увековечивающим особенности «пруссачества» вместо того, чтобы растворить их в Германии, как целом). «По моему, пролетариат может употреблять даже форму единой и неделимой республики. Федеративная республика является еще и теперь, в общем и целом, необходимостью на гигантской территории

Соединенных Штатов, хотя на востоке их она уже становится помехой. Она была бы шагом вперед в Англии, где на двух островах живет четыре нации и, несмотря на единство парламента, существуют друг подле друга три системы законодательства. Она давно уже сделалась помехой в маленькой Швейцарии, и если там можно еще терпеть федеративную республику, то только потому, что Швейцария довольствуется ролью чисто пассивного члена европейской государственной системы. Для Германии федералистическое ошвейцарение ее было бы огромным шагом назад. Два пункта отличают союзное государство от вполне единого государства, именно: что каждое отдельное государство, входящее в союз, имеет свое особое гражданское и уголовное законодательство, свое особое судоустройство, а затем то, что рядом с народной палатой существует палата представителей от государств, и в ней каждый кантон голосует, как таковой, независимо от того, велик он или мал».

В Германии союзное государство есть переход к вполне единому государству, и «революцию сверху» 1866-го и 1870-го годов надо не поворачивать вспять, а дополнить «движением снизу».

Энгельс не только не обнаруживает равнодушия к вопросу о формах государства, а напротив, с чрезвычайной тщательностью старается анализировать именно переходные формы, чтобы учесть, в зависимости от конкретно-истори-

ческих особенностей каждого отдельного случая, переходом *от чего к чему* данная переходная форма является.

Энгельс, как и Маркс, отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как «шаг вперед» при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос.

У Энгельса, как и у Маркса, несмотря на беспощадную критику ими реакционности мелких государств и прикрытия этой реакционности национальным вопросом в определенных конкретных случаях, нигде нет и тени стремления отмахнуться от национального вопроса, – стремления, которым часто грешат голландские и польские марксисты, исходящие из законнейшей борьбы против мещански-узкого национализма «своих» маленьких государств.

Даже в Англии, где и географические условия, и общность языка, и история многих сотен лет, казалось бы, «покончила» с национальным вопросом отдельных мелких делений Англии, даже здесь Энгельс учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику «шагом вперед». Разумеется, тут нет ни тени отказа от критики недостатков федеративной республики и от самой решительной пропаганды и борьбы за

единую, централистически-демократическую республику.

Но централизм демократический Энгельс понимает отнюдь не в том бюрократическом смысле, в котором употребляют это понятие буржуазные и мелкобуржуазные идеологи, анархисты в числе последних. Централизм для Энгельса несколько не исключает такого широкого местного самоуправления, которое, при добровольном отстаивании «коммунами» и областями единства государства, устраняет всякий бюрократизм и всякое «командование» сверху безусловно.

...«Итак, единая республика» – пишет Энгельс, развивая программные взгляды марксизма на государство, – «но не в смысле теперешней французской республики, которая представляет из себя не больше, чем основанную в 1798 году империю без императора. С 1792 по 1798 год каждый французский департамент, каждая община (Gemeinde) пользовались полным самоуправлением по американскому образцу, и это должны иметь и мы. Как следует организовать самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это показала и доказала нам Америка и первая французская республика, а теперь еще показывают Канада, Австралия и другие английские колонии. И такое провинциальное (областное) и общинное самоуправление – гораздо более свободные учреждения, чем, напр., швейцарский федерализм, где, правда, кантон очень независим по отношению к бунду» (т. е. к федеративному государству в целом), «но независим также и по отношению к уезду (бецирку) и по отношению к общи-

не. Кантональные правительства назначают уездных исправников (штатгальтеров) и префектов, чего совершенно нет в странах английского языка и что мы у себя в будущем так же решительно должны устранить, как и прусских ландратов и регирунгсратов» (комиссаров, исправников, губернаторов, вообще чиновников, назначаемых сверху). Энгельс предлагает соответственно этому формулировать пункт программы о самоуправлении следующим образом: «Полное самоуправление в провинции» (губернии или области), «уезде и общине чрез чиновников, избранных всеобщим избирательным правом; отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством».

В закрытой правительством Керенского и других «социалистических» министров «Правде» (№ 68, от 28 мая 1917 года) мне уже случалось указывать, как в этом пункте – разумеется, далеко не в нем одном – наши якобы социалистические представители якобы революционной якобы демократии совершали вопиющие отступления *от демократизма*. Понятно, что люди, связавшие себя «коалицией» с империалистской буржуазией, оставались глухи к этим указаниям.

Крайне важно отметить, что Энгельс с фактами в руках, на самом точном примере, опровергает чрезвычайно распространенный – особенно среди мелкобуржуазной демократии – предрассудок, будто федеративная республика означает непременно больше свободы, чем централистическая. Это неверно. Факты, приводимые Энгельсом отно-

нительно централистической французской республики 1792—1798 гг. и федералистической швейцарской, опровергают это. Свободы *больше* давала действительно демократическая централистическая республика, чем федералистическая. Или иначе: *наибольшая* местная, областная и пр. свобода, известная в истории, дана была *централистической*, а не федеративной республикой.

На этот факт, как и на весь вообще вопрос о федеративной и централистической республике и о местном самоуправлении, в нашей партийной пропаганде и агитации обращалось и обращается недостаточно внимания.

5. Предисловие 1891-го года к «Гражданской войне» Маркса

В предисловии к 3-му изданию «Гражданской войны во Франции» – это предисловие помечено 18 марта 1891 года и первоначально было напечатано в журнале «Neue Zeit» – Энгельс, рядом с интересными мимоходными замечаниями по вопросам, связанным с отношением к государству, дает замечательно рельефную сводку уроков Коммуны. Эта сводка, углубленная всем опытом двадцатилетнего периода, отделявшего автора от Коммуны, и специально направленная против распространенной в Германии «суеверной веры в государство», может быть по справедливости названа *последним словом* марксизма по рассматриваемому вопросу.

Во Франции, отмечает Энгельс, после каждой революции рабочие бывали вооружены; «поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда – после каждой, завоеванной рабочими, революции новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих»...

Итог опыта буржуазных революций столь же краткий, сколь выразительный. Суть деда – между прочим и по вопросу о государстве (*есть ли оружие у угнетенного класса?*) - схвачена здесь замечательно. Именно эту суть чаще всего и обходят как профессора, находящиеся под влиянием буржу-

азной идеологии, так и мелкобуржуазные демократы. В русской революции 1917-го года «меньшевику», «тоже-марксисту» Церетели выпала честь (кавеньяковская честь) выболтать эту тайну буржуазных революций. В своей «исторической» речи 11-го июня Церетели проговорился о решимости буржуазии разоружить питерских рабочих, выдавая, конечно, это решение и за свое, и за «государственную» необходимость вообще!

Историческая речь Церетели от 11-го июня будет, конечно, для всякого историка революции 1917-го года одной из нагляднейших иллюстраций того, как предводимый господином Церетели блок эсеров и меньшевиков перешел на сторону буржуазии *против* революционного пролетариата.

Другое мимоходное замечание Энгельса, тоже связанное с вопросом о государстве, относится к религии. Известно, что германская социал-демократия, по мере того, как она загнивала, становясь все более оппортунистической, чаще и чаще скатывалась к филистерскому кривотолкованию знаменитой формулы: «объявление религии частным делом». Именно: эта формула истолковывалась так, будто *и для партии* революционного пролетариата вопрос о религии есть частное дело!! Против этой полной измены революционной программе пролетариата и восстал Энгельс, который в 1891 году наблюдал только *самые слабые* зачатки оппортунизма в своей партии и который выражался поэтому наиболее осторожно:

«Соответственно тому, что в Коммуне заседали

почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо это постановления декретировали такие реформы, от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса и которые отчасти глубоко врезывались в старый общественный порядок»...

Энгельс подчеркнул слова «по отношению к государству» умышленно, направляя удар не в бровь, а в глаз немецкому оппортунизму, объявлявшему религию частным делом *по отношению к партии* и таким образом принижавшему партию революционного пролетариата до уровня пошлейшего «свободомыслящего» мещанства, готового допустить вневероисповедное состояние, но отрекавшегося от задачи *партийной* борьбы против религиозного опиума, оглуляющего народ.

Будущий историк германской социал-демократии, прослеживая корни ее позорного краха в 1914 году, найдет немало интересного материала по этому вопросу, начиная от уклончивых, открывающих настежь дверь оппортунизму, заявлений в статьях идейного вождя партии, Каутского, и кон-

чая отношением партии к «Los-von-Kirche-Bewegung» (движению к отделению от церкви) в 1913 году.

Но перейдем к тому, как Энгельс двадцать лет спустя после Коммуны подытоживал ее уроки борющемуся пролетариату.

Вот какие уроки выдвигал на первый план Энгельс:

...«Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 году и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало, как желательное орудие, и использовывало его против своих противников, именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она в Париже.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время»...

Энгельс подчеркивает еще и еще раз, что не только в монархии, но *и в демократической республике* государство остается государством, т. е. сохраняет свою основную отли-

чительную черту: превращать должностных лиц, «слуг общества», органы его в *господ* над ним.

...«Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах, превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала па все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отозвать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франков⁵. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того»...

Энгельс подходит здесь к той интересной грани, где последовательная демократия, с одной стороны, *превращается* в социализм, а с другой стороны, где она *требует* социализма. Ибо для уничтожения государства необходимо превращение

⁵ Номинально это дает около 2400 руб., а по теперешнему курсу около 6.000 рублей. Совершенно непростительно поступают те большевики, которые предлагают, напр., в городских думах жалованье по 90.00 руб., не предлагая ввести *для всего государства* максимум 6000 руб., – сумма достаточная.

функций государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подсилы громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно. А полное устранение карьеризма требует, чтобы «почетное», хотя и бездоходное, местечко на государственной службе *не* могло служить мостиком для перепрыгиванья на высокодоходные должности в банках и в акционерных обществах, как это бывает *постоянно* во всех свободнейших капиталистических странах.

Но Энгельс не делает той ошибки, которую делают, напр., иные марксисты по вопросу о праве наций на самоопределение: дескать, при капитализме оно невозможно, а при социализме излишне. Подобное, якобы остроумное, а на деле неверное, рассуждение можно бы повторить про *любое* демократическое учреждение, и про скромное жалованье чиновникам в том числе, ибо до конца последовательный демократизм при капитализме невозможен, а при социализме *отомрет* всякая демократия.

Это – софизм, похожий на ту старую шутку, станет ли человек лысым, если у него будет волос меньше на один волос.

Развитие демократии *до конца*, изыскание *форм* такого развития, испытание их *практикой* и т. д., все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономи-

ку, подталкивать *ее* преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории. Энгельс продолжает:

...«Этот взрыв (Sprengung) старой государственной власти и ее замена новой, поистине демократической, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны». Но вкратце остановиться еще раз на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо, потому что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философов, государство есть «осуществление идеи» или, переведенное на философский язык, царство божие на земле, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что имеет отношение к государству, – суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, т. е. через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед, если они отделяются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же государство есть

не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности».

Энгельс предостерегал немцев, чтобы они по случаю замены монархии республикой не забыли основ социализма по вопросу о государстве вообще. Его предостережения читаются теперь, как прямой урок господам Церетели и Черновым, проявившим в своей «коалиционной» практике суеверную веру в государство и суеверное почтение к нему!

Еще два замечания:

1) Если Энгельс говорит, что при демократической республике «ничуть не меньше», чем при монархии, государство остается «машиной для угнетения одного класса другим», то это вовсе не значит, чтобы *форма* угнетения была для пролетариата безразлична, как «учат» иные анархисты. Более широкая, более свободная, более открытая *форма*, классовой борьбы и классового угнетения дает пролетариату гигантское облегчение в борьбе за уничтожение классов вообще.

2) Почему только новое поколение в состоянии будет совсем выкинуть вон весь этот хлам государственности, – этот вопрос связан с вопросом о преодолении демократии, к которому мы и переходим.

6. Энгельс о преодолении демократии

Энгельсу пришлось высказаться об этом в связи с вопросом о *научной* неправильности названия «социал-демократ».

В предисловии к изданию своих статей 1870-х годов на разные темы, преимущественно «интернационального» содержания («Internationales aus dem Volksstaat»), – предисловии, помеченном 3 января 1894 года, т. е. написанном за полтора года до смерти Энгельса, он писал, что во всех статьях употребляется слово «коммунист», *а не* «социал-демократ», ибо тогда социал-демократами называли себя прудонисты во Франции, лассальянцы в Германии.

...«Для Маркса и для меня – продолжает Энгельс – было поэтому чистейшей невозможностью употреблять для обозначения специально нашей точки зрения выражение столь растяжимое. В настоящее время дело обстоит иначе, и это слово («социал-демократ») может, пожалуй, сойти (*mag passieren*), хотя оно и остается неточным (*unpassend*, неподходящим) для такой партии, экономическая программа которой не является просто социалистической вообще, а прямо коммунистической, – для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а следовательно также и демократии. Названия *действительных* (курсив Энгельса) политических партий, однако, никогда

вполне не соответствуют им; партия развивается, название остается».

Диалектик Энгельс на закате дней остается верен диалектике. У нас с Марксом, говорит он, было прекрасное, научно-точное, название партии, но не было действительной, т. е. массовой пролетарской партии. Теперь (конец XIX века) есть действительная партия, но ее название научно неверно. Ничего, «сойдет», лишь бы партия *развивалась*, лишь бы научная неточность ее названия не была от нее скрыта и не мешала ей развиваться в верном направлении!

Пожалуй, иной шутник и нас, большевиков, стал бы утешать по-энгельсовски: у нас есть действительная партия, она развивается отлично; «сойдет» и такое бессмысленное, уродливое слово, как «большевик», не выражающее абсолютно ничего, кроме того, чисто случайного, обстоятельства, что на Брюссельско-Лондонском съезде 1903 года мы имели большинство... Может быть, теперь, когда июльские и августовские преследования нашей партии республиканцами и «революционной» мещанской демократией сделали слово «большевик» таким всенародно-почетным, когда они ознаменовали кроме того столь громадный, исторический шаг вперед, сделанный нашей партией в ее *действительном* развитии, может быть, и я поколебался бы в своем апрельском предложении изменить название нашей партии. Может быть, я предложил бы своим товарищам «компромисс»: назваться коммунистической партией, а в скобках оставить слово

большевики...

Но вопрос о названии партии несравненно менее важен, чем вопрос об отношении революционного пролетариата к государству.

В обычных рассуждениях о государстве постоянно делается та ошибка, от которой здесь предостерегает Энгельс и которую мы отмечали мимоходом в предыдущем изложении. Именно: постоянно забывают, что уничтожение государства есть уничтожение также и демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии.

На первый взгляд такое утверждение представляется крайне странным и непонятным; пожалуй, даже возникнет у кого-либо опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия это и есть признание такого принципа?

Нет. Демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*, т. е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою.

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т. е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но,

стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общественности *без насилия и без подчинения*,

Чтобы подчеркнуть этот элемент привычки, Энгельс и говорит о новом *поколении*, «выросшем в новых, свободных общественных условиях, которое окажется в состоянии совершенно выкинуть вон весь этот хлам государственности», – всякой государственности, в том числе и демократически-республиканской государственности.

Для пояснения этого требуется разбор вопроса об экономических основах отмирания государства.

Глава V

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТМИРАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Самое обстоятельное разъяснение этого вопроса дано Марксом в его «Критике Готской программы» (письмо к Бракке от 5 мая 1875 года, напечатанное только в 1891 году в «Neue Zeit», IX, 1, и вышедшее по-русски отдельным изданием). Полемическая часть этого замечательного произведения, состоящая в критике лассальянства, затенила, так сказать, его положительную часть, именно: анализ связи между развитием коммунизма и отмиранием государства.

1. Постановка вопроса Марксом

При поверхностном сравнении письма Маркса к Бракке от 5 мая 1875 года и рассмотренного выше письма Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 года может показаться, что Маркс гораздо более «государственник», чем Энгельс, и что различие между взглядами обоих писателей на государство очень значительное.

Энгельс предлагает Бебелю вовсе бросить болтовню о государстве, изгнать совершенно слово государство из программы, заменив его словом «община»; Энгельс заявляет даже, что Коммуна не была уже государством в собственном смысле. Между тем Маркс говорит даже о «будущей государственности коммунистического общества», т. е. как будто бы признает необходимость государства даже при коммунизме.

Но подобный взгляд был бы в корне неправилен. Ближайшее рассмотрение показывает, что взгляды Маркса и Энгельса на государство и его отмирание вполне совпадают, а приведенное выражение Маркса относится именно к этой *отмирающей* государственности.

Ясно, что не может быть и речи об определении момента *будущего* «отмирания», тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный. Кажущееся различие между Марксом и Энгельсом объясняется различием тем, которые они себе брали, задач, которые они преследовали.

Энгельс ставил задачей наглядно, резко, в крупных штрихах показать Бебелю всю нелепость ходячих (и разделявшихся Лассалем в немалой степени) предрассудков насчет государства. Маркс только мимоходом касается *этого* вопроса, интересуясь другой темой: *развитием* коммунистического общества.

Вся теория Маркса есть применение теории развития – в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме – к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма.

На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется.

Маркс прежде всего отбрасывает прочь ту путаницу, которая Готской программой вносится в вопрос о соотношении государства и общества.

...«Современное общество – пишет он – есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соедин. Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Вопрос ставится затем так: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни

капельки не подвинет его разрешения»...

Высмеяв таким образом все разговоры о «народном государстве», Маркс дает постановку вопроса и как бы предостерегает, что для научного ответа на него можно оперировать только твердо установленными научно данными.

Первое, что установлено вполне точно всей теорией развития, всей наукой вообще, – и что забывали утописты, что забывают нынешние оппортунисты, боящиеся социалистической революции, – это то обстоятельство, что исторически несомненно должна быть особая стадия или особый этап *перехода* от капитализма к коммунизму.

2. Переход от капитализма к коммунизму

...«Между капиталистическим и коммунистическим обществом – продолжает Маркс – лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»...

Этот вывод покоится у Маркса на анализе той роли, которую играет пролетариат в современном капиталистическом обществе, на данных о развитии этого общества и о непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии.

Раньше вопрос ставился так: чтобы добиться своего освобождения, пролетариат должен свергнуть буржуазию, завоевать политическую власть, установить свою революционную диктатуру.

Теперь вопрос ставится несколько иначе: переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без «политического переходного периода», и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата.

Каково же отношение этой диктатуры к демократии? Мы

видели, что «Коммунистический Манифест» ставит просто рядом два понятия: «превращение пролетариата в господствующий класс» и «завоевание демократии». На основании всего изложенного выше можно точнее определить, как изменяется демократия в переходе от капитализма к коммунизму.

В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм в демократической республике. Но этот демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплуатации и всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых. Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев. Современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплуатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено.

Правильность этого утверждения всего нагляднее, может быть, подтверждается Германией именно потому, что в этом государстве конституционная легальность продержалась удивительно долго и устойчиво почти полвека (1871—1914), а социал-демократия за это время гораздо больше,

чем в других странах, сумела сделать для «использования легальности» и для организации такой высокой доли рабочих в политическую партию, как нигде в свете.

Какова же эта наиболее высокая из наблюдавшихся в капиталистическом обществе доля политически сознательных и деятельных наемных рабов? Один миллион членов партии социал-демократов – из 15 миллионов наемных рабочих! Три миллиона профессионально организованных – из 15-ти миллионов!

Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых, вот каков демократизм капиталистического общества. Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду, и в «мелких», якобы мелких, подробностях избирательного права (ценз оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических препонах праву собраний (общественные здания не для «нищих»!), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее и так далее, – мы увидим ограничения да ограничения демократизма. Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных кажутся мелкими, особенно на глаз того, кто сам никогда нужды не видал и с угнетенными классами в их массовой жизни близок не был (а таково девять десятых, если не девяносто девять сотых буржуазных публицистов и политиков), – но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из ак-

тивного участия в демократии.

Маркс великолепно схватил эту *суть* капиталистической демократии, сказав в своем анализе опыта Коммуны: угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, какой именно из представителей угнетающего класса будет в парламенте представлять и подавлять их!

Но от этой капиталистической демократии, – неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а поэтому насквозь лицемерной и лживой, – развитие вперед не идет просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократии», как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров капиталистов больше некому и иным путем нельзя.

А диктатура пролетариата, т. е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения, демократии. *Вместе с* громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой, – ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет

демократии.

Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав, как вспомнит читатель, что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, – не будет государства».

Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т. е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа, – вот каково видоизменение демократии при *переходе* от капитализма к коммунизму.

Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т. е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства), – *только* тогда «исчезает государство и *можно говорить о свободе*». Только тогда возможна и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет *отмирать* в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без *особого аппарата* для принуждения, который называет-

ся государством.

Выражение «государство *отмирает*» выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость *подавления*.

Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою.

Другими словами: при капитализме мы имеем государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим и притом большинства меньшинством. Понятно, что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостниче-

ства, наемничества.

Далее, при *переходе* от капитализма к коммунизма подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина «для подавления, „государство“ *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов – заметим, забегая вперед).

Наконец, только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо *некого* подавлять, – «некого» в *смысле класса*, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных*

лиц, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе различает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины, эксцессы неизбежно начнут *«отмирать»*. Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет* и государство.

Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что можно *теперь* определить относительно этого будущего, именно: различие низшей и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистического общества.

3. Первая фаза коммунистического общества

В «Критике Готской программы» Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме «неурезанного» или «полного продукта труда». Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычесть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещение «сношенных» машин и т. п., а затем из предметов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.

Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассаля («полный продукт труда – рабочему») Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать. Маркс подходит к *конкретному* анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма, и говорит при этом:

«Мы имеем здесь дело» (при разборе программы рабочей партии) «не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из

недр которого оно вышло».

Вот это коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества,

Маркс и называет «первой» или низшей фазой коммунистического общества.

Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал.

Царствует как будто бы «равенство».

Но когда Лассаль говорит, имея в виду такие общественные порядки (обычно называемые социализмом, а у Маркса носящие название первой фазы коммунизма), что это «справедливое распределение», что это «равное право каждого на равный продукт труда», то Лассаль ошибается, и Маркс разъясняет его ошибку.

«Равное право» – говорит Маркс – мы здесь действительно имеем, но это *ещё* «буржуазное право»,

которое, как и всякое право, *предполагает неравенство*. Всякое право есть применение *одинакового* масштаба к *различным* людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость. В самом деле, каждый получает, отработав равную с другим долю общественного труда, – равную долю общественного производства (за указанными вычетами).

А между тем отдельные люди не равны: один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и т. д.»

...«При равном труде, – заключает Маркс – следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде, один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т. д. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным»...

Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и проч. в частную собственность. Разбивая мелкобуржуазно неясную фразу Лассалья о «равенстве» и «справедливости» *вообще*, Маркс показывает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту «неспра-

ведливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, некоторое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении «предметов потребления „по работе“ (а не по потребностям).

Вульгарные экономисты, в том числе буржуазные профессора, в том числе «наш» Туган, постоянно упрекают социалистов, будто они забывают о неравенстве людей и «мечтают» уничтожить это неравенство. Такой упрек, как видим, доказывает только крайнее невежество гг. буржуазных идеологов.

Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества («социализм» в обычном словоупотреблении) *не устраняет* недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое *продолжает господствовать*, поскольку продукты делятся «по работе».

...«Но эти недостатки – продолжает Маркс – неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»...

Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется *не* вполне, а лишь отчасти, лишь в меру

уже достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их *общей* собственностью. *Постольку* - и лишь постольку – «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определивателя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает, тот не должен есть», этот социалистический принцип *уже* осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта» – и этот социалистический принцип *уже* осуществлен. Однако это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это – «недостаток», говорит Маркс, но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*, да и экономических предпосылок *такой* перемены отмена капитализма *не дает сразу*.

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта.

Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет,

классов уже нет, *подавлять* поэтому какой бы то ни было *класс* нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм.

4. Высшая фаза коммунистического общества

Маркс продолжает:

...«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому — по потребностям»».

Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: «свобода» и «государство». Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства.

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физическо-

го труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

Эта экспроприация даст *возможность* гигантского развития производительных сил. И, видя, как теперь уже капитализм невероятно *задерживает* это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой, техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», этого мы не знаем и знать *не можем*.

Поэтому мы и вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития *высшей* фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов *нет*.

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько при-

выкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать бы лишних полчаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, – этот узкий гори зонт будет тогда переиден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности».

С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделяются и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество, – ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего* обывателя, способного «зря» – вроде как бурсаки у Помяловского – портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества *и со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*.

Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями вроде гг. Церетели, Черновых и К^о) состоит именно в том,, что спорами и разговорами о далеком будущем они *подменяют* насущный и злободневный вопрос *сегодняшней* политики: экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов рабочих и солдатских депутатов*.

В сущности, когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним господа Церетели и Черновы говорят о безрассудных утопиях, о демагогических обещаниях большевиков, о невозможности «введения» социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, «вводить» которой никто не только не обещал, но и не помышлял, ибо «ввести» ее вообще нельзя.

И здесь мы подошли к тому вопросу о научном различии между социализмом и коммунизмом, которого коснулись

ся Энгельс в приведенном выше рассуждении его о неправильности названия «социал-демократы». Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма современем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты (если еще остались среди анархистов люди, ничему не научившиеся после «плехановского» превращения Кропоткиных, Грива, Корнелиссена и прочих «звезд» анархизма в социал-шовинистов или в анархо-траншейников, как выразился один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов Ге).

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс, дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма. В первой своей фазе, на первой своей

ступени коммунизм не может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта *буржуазного* права» – при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство*, ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство – без буржуазии!

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек «буржуазного» права в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем *из недр* капитализма.

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не преjdeши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное* равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение

устройства государства и управление им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, сплачивает революционный против капитализма класс – пролетариат и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их *более* демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь «количество переходит в качество»: *такая* степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылка* для того, чтобы действительно «все» *могла* участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д. и т. п.

При таких *экономических* предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их – в деле

контроля за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов – вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль – вот *главное*, что требуется для «налаживания», для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы *они* работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок⁶.

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капи-

⁶ Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету и контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» (ср. выше, гл. IV, § 2, о полемике Энгельса с анархистами).

талистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться».

Все, общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для *дальнейшего* движения вперед.,

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, — с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство.

Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», – тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким невероятно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие – люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства.

Глава VI

ОПОШЛЕНИЕ МАРКСИЗМА ОПОРТУНИСТАМИ

Вопрос об отношении государства к социальной революции и социальной революции к государству занимал виднейших теоретиков и публицистов II Интернационала (1889—1914) очень мало, как и вообще вопрос о революции. Но самое характерное в том процессе постепенного роста оппортунизма, который привел к краху II Интернационала в 1914-ом году, — это то, что даже когда вплотную подходили к этому вопросу, его *старались обойти* или его не замечали.

В общем и целом можно сказать, что из *уклончивости* по вопросу об отношении пролетарской революции к государству, уклончивости, выгодной для оппортунизма и питавшей его, произошло *извращение* марксизма и полное опошление его.

Чтобы охарактеризовать, хоть вкратце, этот печальный процесс, возьмем виднейших теоретиков марксизма, Плеханова и Каутского.

1. Полемика Плеханова с анархистами

Плеханов посвятил вопросу об отношении анархизма к социализму особую брошюру: «Анархизм и социализм», которая вышла по-немецки в 1894 году.

Плеханов ухитрился трактовать эту тему, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще! В его брошюре выделяются две части: одна – историко-литературная, с ценным материалом по истории идей Штирнера, Прудона и пр. Другая часть: филистерская, с аляповатым рассуждением на тему о том, что анархиста не отличишь от бандита.

Сочетание тем презабавное и прехарактерное для всей деятельности Плеханова во время кануна революции и в течение революционного периода в России: Плеханов так и показал себя в 1905—1917 годах полудоктринером, полуфилистером, в политике шедшим в хвосте у буржуазии.

Мы видели, как Маркс и Энгельс, полемизируя с анархистами, выясняли всего тщательнее свои взгляды на отношение революции к государству. Энгельс, издавая в 1891 году «Критику Готской программы» Маркса, писал, что «мы (т. е. Энгельс и Маркс) находились тогда в самом разгаре борьбы

с Бакуниным и его анархистами – после Гаагского конгресса (первого) Интернационала⁷ едва прошло два года».

Анархисты пытались именно Парижскую Коммуну объявить, так сказать, «своей», подтверждающей их учение, причем они совершенно не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом. Ничего даже приблизительно подходящего к истине по конкретно-политическим вопросам: надо ли *разбить* старую государственную машину? и *чем* заменить ее? анархизм не дал.

Но говорить об «анархизме и социализме», обходя весь вопрос о государстве, *не замечая* всего развития марксизма до и после Коммуны, это значило неминуемо скатываться к оппортунизму. Ибо оппортунизму как раз больше всего и требуется, чтобы два указанные нами сейчас вопроса *не* ставились вовсе. Это *уже* есть победа оппортунизма.

⁷ Гаагский конгресс I Интернационала происходил 2—7 сентября (н. ст.) 1872 года. На нем присутствовали Маркс и Энгельс. Делегатов на конгрессе было 65 человек. На повестке дня стояли вопросы: 1) о правах Генерального совета; 2) о политической деятельности пролетариата и др. Вся работа конгресса проходила в острой борьбе с бакунистами. Конгресс принял решение о расширении прав Генерального совета. По вопросу «О политической деятельности пролетариата» в решении конгресса говорилось, что пролетариат должен организовать свою собственную политическую партию для обеспечения торжества социальной революции и что его великой задачей становится завоевание политической власти. На этом конгрессе Бакунин и Гильом были исключены из Интернационала как дезорганизаторы и создатели новой, антипролетарской партии.

2. Полемика Каутского с оппортунистами

В русской литературе переведено, несомненно, неизмеримо большее количество произведений Каутского, чем в какой бы то ни было другой. Недаром шутят иные немецкие социал-демократы, что Каутского больше читают в России, чем в Германии (в скобках сказать, в этой шутке есть гораздо более глубокое историческое содержание, чем подозревают те, кто пустил ее в ход, именно: русские рабочие, предъявив в 1905 году необыкновенно сильный, невиданный спрос на лучшие произведения лучшей в мире социал-демократической литературы и получив неслыханное в иных странах количество переводов и изданий этих произведений, тем самым перенесли, так сказать, на молодую почву нашего пролетарского движения ускоренным образом громадный опыт соседней, более передовой страны).

Особенно известен у нас Каутский, кроме своего популярного изложения марксизма, своей полемикой с оппортунистами и с Бернштейном во глав их. Но почти неизвестен факт, которого нельзя обойти, если ставить себе задачей проследить, как скатился Каутский к невероятно-позорной растерянности и защите социал-шовинизма во время величайшего кризиса 1914—1915 годов. Это именно тот факт, что перед своим выступлением против виднейших пред-

ставителей оппортунизма во Франции (Мильеран и Жорес) и в Германии (Бернштейн) Каутский проявил очень большие колебания. Марксистская «Заря»⁸, выходящая в 1901—1902 гг. в Штутгарте и отстаивавшая революционно-пролетарские взгляды, вынуждена была *полемизировать* с Каутским, называть «каучуковой» его половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию на Парижском международном социалистическом конгрессе 1900 года.⁹ В немецкой литературе были напечатаны письма Каутского, обнаружившие не меньшие колебания его перед выступлением в поход против Бернштейна.

Неизмеримо большее значение имеет, однако, то обстоятельство, что в самой его полемике с оппортунистами, в его постановке вопроса и способе трактования вопроса мы

⁸ «Заря» – марксистский научно-политический журнал; издавался в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией газеты «Искра». Вышло 4 номера – три книги. В «Заре» напечатаны статьи Ленина: «Случайные заметки», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и „критики Маркса“» (под заглавием «Гг. „критики“ в аграрном вопросе»), «Внутреннее обозрение» и «Аграрная программа русской социал-демократии».

⁹ Речь идет о пятом международном социалистическом конгрессе II Интернационала, происходившем 23 – 27 сентября (н. ст.) 1900 года в Париже. На конгрессе присутствовал 791 делегат. Русская делегация была представлена в составе 23 человек. По основному вопросу – о завоевании политической власти пролетариатом – конгресс большинством голосов принял упоминаемую Лениным «примирительную по отношению к оппортунистам» резолюцию, предложенную Каутским. В числе других решений конгресс постановил учредить Международное социалистическое бюро из представителей социалистических партий всех стран с местопребыванием секретариата его в Брюсселе.

замечаем теперь, когда изучаем *историю* новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве.

Возьмем первое крупное произведение Каутского против оппортунизма, его книгу «Бернштейн и социал-демократическая программа». Каутский подробно опровергает Бернштейна. Но вот что характерно.

Бернштейн в своих геростратовски-знаменитых «Предпосылках социализма» обвиняет марксизм в «*бланкизме*» (обвинение, с тех пор тысячи раз повторенное оппортунистами и либеральными буржуа в России против представителей революционного марксизма, большевиков). При этом Бернштейн останавливается специально на марксовой «Гражданской войне во Франции» и пытается – как мы видели, весьма неудачно – отождествить точку зрения Маркса на уроки Коммуны с точкой зрения Прудона. Особенное внимание Бернштейна вызывает то заключение Маркса, которое этот последний подчеркнул в предисловии 1872 года к «Коммунистическому Манифесту» и которое гласит: «рабочий класс не может просто взять в руки готовой государственной машины и пустить ее в ход для своих собственных целей».

Бернштейну так «понравилось» это изречение, что он не менее трех раз в своей книге повторяет его, толкуя его в самом извращенном, оппортунистическом смысле.

Маркс, как мы видели, хочет сказать, что рабочий класс должен *разбить, сломать, взорвать* (*Sprengung*, взрыв, –

выражение, употребленное Энгельсом) всю государственную машину. А у Бернштейна выходит, будто Маркс предостерегал этими словами рабочий класс *против* чрезмерной революционности при захвате власти.

Более грубого и безобразного извращения мысли Маркса нельзя себе и представить.

Как же поступил Каутский в своем подробнейшем опровержении бернштейниады?

Он уклонился от разбора всей глубины извращения марксизма оппортунизмом в этом пункте. Он привел цитированный выше отрывок из предисловия Энгельса к «Гражданской войне» Маркса, сказав, что, по Марксу, рабочий класс не может *просто* овладеть *готовой* государственной машиной, но вообще *может* овладеть ей, и только. О том, что Бернштейн приписал Марксу *прямо обратное* действительной мысли Маркса, что Маркс с 1852 года выдвигал задачу пролетарской революции «разбить» государственную машину, об этом у Каутского ни слова.

Вышло так, что самое существенное отличие марксизма от оппортунизма по вопросу о задачах пролетарской революции оказалось у Каутского смазанным!

«Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры – писал Каутский *«против»* Бернштейна – мы вполне спокойно можем предоставить будущему» (стр. 172 нем. издания).

Это не полемика *против* Бернштейна, а в сущности *уступка* ему, сдача позиций оппортунизму, ибо оппортуни-

стам пока ничего большего и не надо, как «вполне спокойно предоставить будущему» все коренные вопросы о задачах пролетарской революции.

Маркс и Энгельс с 1852 года по 1891 год, в течение сорока лет, учили пролетариат тому, что он должен разбить государственную машину. А Каутский в 1899 году, пред лицом полной измены оппортунистов марксизму в этом пункте, продельывает *подмен* вопроса о том, необходимо ли эту машину разбить, вопросом о конкретных формах разбивания и спасается под сень «беспорной» (и бесплодной) филистерской истины, что конкретных форм наперед знать мы не можем!!

Между Марксом и Каутским – пропасть в их отношении к задаче пролетарской партии готовить рабочий класс к революции.

Возьмем следующее, более зрелое, произведение Каутского, посвященное тоже в значительной степени опровержению ошибок оппортунизма. Это – его брошюра о «Социальной революции». Автор взял здесь своей специальной темой вопрос о «пролетарской революции» и о «пролетарском режиме». Автор дал очень много чрезвычайно ценного, но как раз вопрос о государстве *обошел*. В брошюре говорится везде о завоевании государственной власти, и только, т. е. выбрана такая формулировка, которая делает уступку оппортунистам, поскольку *допускает* завоевание власти *без* разрушения государственной машины. Как раз то, что Маркс в 1872 году объявил «устарелым» в программе «Коммунисти-

ческого Манифеста», *возрождается* Каутским в 1902-м году.

В брошюре посвящен специальный параграф «Формам и оружию социальной революции». Здесь говорится и о массовой политической стачке, и о гражданской войне, и о таких «орудиях силы современного крупного государства, как бюрократия и армия», но о том, чему уже научила рабочих Коммуна, ни звука. Очевидно, Энгельс недаром предостерегал, особенно немецких социалистов, против «суеверного почтения» к государству.

Каутский излагает дело так: победивший пролетариат «осуществит демократическую программу» и излагает параграфы ее. О том, что нового дал 1871-ый год по вопросу о замене пролетарской демократией демократии буржуазной, ни звука. Каутский отделяется такими «солидно» звучащими банальностями:

«Очевидно само собой, что мы не достигнем господства при теперешних порядках. Революция сама предполагает продолжительную и глубоко захватывающую борьбу, которая успеет уже изменить нашу теперешнюю политическую и социальную структуру».

Несомненно, что это «очевидно само собой», как и та истина, что лошади кушают овес и что Волга течет в Каспийское море. Жаль только, что посредством пустой и надутый фразы о «глубоко захватывающей» борьбе *обходится*

важный для революционного пролетариата вопрос о том, в чем же выражается «глубина» его революции по отношению к государству, по отношению к демократии, в отличие от прежних, непролетарских революций.

Обходя этот вопрос, Каутский *на деле* по этому существеннейшему пункту делает уступку оппортунизму, объявляя грозную *на словах* войну ему, подчеркивая значение «идеи революции» (многого ли стоит эта «идея», если бояться пропагандировать рабочим конкретные уроки революции?), или говоря: «революционный идеализм прежде всего», или объявляя, что английские рабочие представляют из себя теперь «едва ли многим большее, чем мелких буржуа».

«В социалистическом обществе – пишет Каутский – могут существовать рядом друг с другом... самые различные формы предприятий: бюрократическое (?), тред-юнионистское, кооперативное, единоличное»... «Существуют, например, предприятия, которые не могут обойтись без бюрократической (?) организации, – таковы железные дороги. Тут демократическая организация может получить такой вид: рабочие выбирают делегатов, которые образуют нечто вроде парламента, и этот парламент устанавливает распорядок работ и наблюдает за управлением бюрократического аппарата. Другие предприятия можно передать в ведение рабочих союзов, третьи можно организовать на кооперативных началах» (стр. 148 и 115 русского перевода, женевское издание 1903 года).

Это рассуждение ошибочно, представляя из себя шаг назад по сравнению с тем, что разъясняли в 70-х годах Маркс и Энгельс на примере уроков Коммуны.

Железные дороги решительно ничем не отличаются, с точки зрения необходимой будто бы «бюрократической» организации, от всех вообще предприятий крупной машинной индустрии, от любой фабрики, большого магазина, крупнокапиталистического сельскохозяйственного предприятия. Во всех таких предприятиях техника предписывает безусловно строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при соблюдении каждым указанной ему доли работы, под угрозой остановки всего дела или порчи механизма, порчи продукта. Во всех таких предприятиях рабочие будут, конечно, «выбирать делегатов, которые образуют *нечто вроде парламента*».

Но в том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет парламентом в смысле буржуазно-парламентарных учреждений. В том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет только «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением бюрократического аппарата», как воображает Каутский, мысль которого не выходит за рамки буржуазного парламентаризма. В социалистическом обществе «нечто вроде парламента» из рабочих депутатов будет, конечно, «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением» «аппарата», *но* аппарат-то этот *не* будет «бюрократическим». Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют

старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому *никто* не мог стать «бюрократами».

Каутский совершенно не продумал слов Маркса: «Коммуна была не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время издающей законы и исполняющей их».

Каутский совершенно не понял разницы между буржуазным парламентаризмом, соединяющим демократию (*не для народа*) с бюрократизмом (*против народа*), и пролетарским демократизмом, который сразу примет меры, чтобы в корне подрезать бюрократизм, и который в состоянии будет довести эти меры до конца, до полного уничтожения бюрократизма, до полного введения демократии для народа.

Каутский обнаружил здесь все то же «суеверное почтение» к государству, «суеверную веру» в бюрократизм.

Перейдем к последнему и лучшему произведению Каутского против оппортунистов, к его брошюре «Путь к власти» (кажется, неизданной по-русски, ибо она вышла в разгар реакции у нас, в 1909 году). Эта брошюра есть большой

шаг вперед, поскольку в ней говорится не о революционной программе вообще, как в брошюре 1899 года против Бернштейна, не о задачах социальной революции безотносительно к времени ее наступления, как в брошюре «Социальная революция» 1902-го года, а о конкретных условиях, заставляющих нас признать, что «эра революций» *наступает*.

Автор определенно указывает на обострение классовых противоречий вообще и на империализм, играющий особенно большое значение в этом отношении. После «революционного периода 1789—1871 гг.» для Западной Европы, начинается с 1905 года аналогичный период для Востока. Всемирная война надвигается с угрожающей быстротой. «Пролетариат не может уже больше говорить о преждевременной революции». «Мы вступили в революционный период». «Революционная эра начинается».

Эти заявления совершенно ясны. Эта брошюра Каутского должна служить мерилom для сравнения того, чем *обещала быть* германская социал-демократия перед империалистской войной и как низко она пала (в том числе и сам Каутский) при взрыве войны. «Теперьшняя ситуация – писал Каутский в рассматриваемой брошюре – ведет за собой ту опасность, что нас (т. е. германскую социал-демократию) легко принять за более умеренных, чем мы есть на деле». Оказалось, что на деле германская социал-демократическая партия несравненно более умеренна и оппортунистична, чем она казалась!

Тем характернее, что при такой определенности заявлений Каутского насчет начавшейся уже эры революций, он и в брошюре, посвященной, по его собственным словам, разбору вопроса именно о «*политической* революции», опять-таки совершенно обошел вопрос о государстве.

Из суммы этих обходов вопроса, умолчаний, уклончивостей и получился неизбежно тот полный переход к оппортунизму, о котором нам сейчас придется говорить.

Германская социал-демократия, в лице Каутского, как бы заявляла: я остаюсь при революционных воззрениях (1899 г.). Я признаю в особенности неизбежность социальной революции пролетариата (1902 г.). Я признаю наступление новой эры революций (1909 г.). Но я все же таки иду назад против того, что говорил Маркс уже в 1852 году, раз вопрос ставится о задачах пролетарской революции по отношению к государству (1912 г.).

Именно так был поставлен вопрос в упор в полемике Каутского с Паннекуком.

3. Полемика Каутского с Паннекуком

Паннекук выступил против Каутского, как один из представителей того «лево-радикального» течения, которое числило в своих рядах Розу Люксембург, Карла Радека и других и которое, отстаивая революционную тактику, объединялось убеждением, что Каутский переходит на позицию «центра», беспринципно колеблющегося между марксизмом и оппортунизмом. Правильность этого взгляда вполне доказала война, когда течение «центра» (неправильно называемого марксистским) или «каутскианства» вполне показало себя во всем своем отвратительном убожестве.

В затронувшей вопрос о государстве статье: «Массовые действия и революция» («Neue Zeit», 1912, XXX, 2) Паннекук охарактеризовал позицию Каутского, как позицию «пассивного радикализма», «теорию бездеятельного ожидания». «Каутский не хочет видеть процесса революции» (стр. 616). Ставя вопрос таким образом, Паннекук подошел к интересующей нас теме о задачах пролетарской революции по отношению к государству.

«Борьба пролетариата – писал он – есть не просто борьба против буржуазии *из-за* государственной власти, а борьба *против* государственной власти... Содержание пролетарской революции есть уничтожение орудий силы государства

и вытеснение их (буквально: распушение, Auflösung) орудиями силы пролетариата... Борьба прекращается лишь тогда, когда, как конечный результат ее, наступает полное разрушение государственной организации. Организация большинства доказывает свое превосходство тем, что уничтожает организацию господствующего меньшинства» (стр. 548);

Формулировка, в которую облек свои мысли Паннекук, страдает очень большими недостатками. Но мысль все же ясна, и интересно, *как* опровергал ее Каутский.

«До сих пор – писал он – противоположность между социал-демократами и анархистами состояла в том, что первые хотели завоевать государственную власть, вторые – ее разрушить. Паннекук хочет и того и другого» (стр. 724).

Если у Паннекука изложение страдает неотчетливостью и недостатком конкретности (не говоря здесь о других недостатках его статьи, не относящихся к разбираемой теме), то Каутский взял именно намеченную Паннекуком *принципиальную* суть дела, и *по коренному принципиальному* вопросу Каутский целиком покинул позицию марксизма, перешел вполне к оппортунизму. Различие между социал-демократами и анархистами определено у него совершенно неверно, марксизм искажен и опошлен окончательно.

Различие между марксистами и анархистами состоит в том, что (1) первые, ставя своей целью полное уничтожение

государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. (2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной машины, представляют себе совершенно неясно, *чем* ее пролетариат заменит и *как* он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. (3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают.

Против Каутского марксизм представлен именно Паннекуком, в данном споре, ибо как раз Маркс учил тому, что пролетариат не может просто завоевать государственную власть в смысле перехода в новые руки старого государственного аппарата, а должен разбить, сломать этот аппарат, заменить его новым.

Каутский уходит от марксизма к оппортунистам, ибо у него совершенно исчезает именно это разрушение государственной машины, совершенно неприемлемое для оппорту-

нистов, и остается лазейка для них в смысле истолкования «завоевания» как простого приобретения большинства.

Чтобы прикрыть свое извращение марксизма, Каутский поступает, как начетчик: он двигает «цитату» из самого Маркса. В 1850 году Маркс писал о необходимости «решительной централизации силы в руках государственной власти». И Каутский спрашивает с торжеством: не хочет ли Паннекук разрушить «централизм»?

Это уже просто фокус, похожий на бернштейновское отождествление марксизма и прудонизма во взглядах на федерацию вместо централизма.

«Цитата» взята Каутским ни к селу, ни к городу. Централизм возможен и со старой и с новой государственной машиной. Если рабочие добровольно объединят свои вооруженные силы, это будет централизм, но он будет покоиться на «полном разрушении» государственного централистического аппарата, постоянной армии, полиции, бюрократии. Каутский поступает совершенно мошеннически, обходя прекрасно известные рассуждения Маркса и Энгельса о Коммуне и вытаскивая цитату, не относящуюся к вопросу.

...«Может быть, Паннекук хочет уничтожить государственные функции чиновников? – продолжает Каутский. – Но мы необходимей без чиновников и в партийной и в профессиональной организации, не говоря уже о государственном управлении. Наша программа требует не уничтожения государственных

чиновников, а выбора чиновников народом»... «Речь идет у нас теперь не о том, какой вид примет аппарат управления в «будущем государстве», а о том, уничтожает ли (буквально: распускает, auflöst) наша политическая борьба государственную власть, *прежде чем мы ее завоевали* (курсив Каутского). Какое министерство с его чиновниками могло бы быть уничтожено?» Перечисляются министерства просвещения, юстиции, финансов, военное. «Нет, ни одно из теперешних министерств не будет устранено нашей политической борьбой против правительства... Я повторяю, чтобы избежать недоразумений: речь идет не о том, какую форму придаст „государству будущего“ победоносная социал-демократия, а о том, как изменяет теперешнее государство наша оппозиция» (стр. 725).

Это явная передержка. Паннекук ставил вопрос именно о *революции*. Это и в заглавии его статьи и в цитированных местах сказано ясно. Перескакивая на вопрос об «оппозиции», Каутский как раз и подменяет революционную точку зрения оппортунистической. У него выходит так: теперь оппозиция, а *после* завоевания власти поговорим особо. *Революция исчезает!* Это как раз то, что и требовалось оппортунистами.

Речь идет не об оппозиции и не о политической борьбе вообще, а именно о *революции*. Революция состоит в том, что пролетариат *разрушает* «аппарат управления» и *весь* государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих. Каутский обнаруживает «суеверное по-

чтение» к «министерствам», но почему они не могут быть заменены, скажем, комиссиями специалистов при полновластных и всевластных Советах рабочих и солдатских депутатов?

Суть дела совсем не в том, останутся ли «министерства», будут ли «комиссии специалистов» или иные какие учреждения, это совершенно неважно. Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутиной и косностью) или она *разрушается* и заменяется *новой*. Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи *старой* государственной машины, а в том, чтобы он *разбил* эту машину и командовал, управлял при помощи *новой* машины, – эту *основную* мысль марксизма Каутский смазывает или он совсем не понял ее.

Его вопрос насчет чиновников показывает наглядно, что он не понял уроков Коммуны и учения Маркса. «Мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации»...

Мы не обходимся без чиновников *при капитализме*, при *господстве буржуазии*. Пролетариат угнетен, трудящиеся массы поработены капитализмом. При капитализме демократизм сужен, сжат, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нужды и нищеты масс. Поэтому, и только поэтому, в наших политических и профессиональных организациях должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращаемыми, говоря точнее) обстановкой

капитализма и проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т. е. в оторванных от масс, в стоящих *над* массами, привилегированных лиц.

В этом *суть* бюрократизма, и пока не экспропрированы капиталисты, пока не свергнута буржуазия, до тех пор неизбежна известная «бюрократизация» *даже* пролетарских должностных лиц.

У Каутского выходит так: раз останутся выборные должностные лица, значит, останутся и чиновники при социализме, останется бюрократия! Именно это-то и неверно. Именно на примере Коммуны Маркс показал, что при социализме должностные лица перестают быть «бюрократами», быть «чиновниками», перестают *по мере* введения, кроме выборности, *еще* сменяемости в любое время, *да еще* сведения платы к среднему рабочему уровню, *да еще* замены парламентарных учреждений «работающими, т. е. издающими законы и проводящими их в жизнь».

В сущности, вся аргументация Каутского против Паннекука и особенно великолепный довод Каутского, что мы и в профессиональных и в партийных организациях не обходимся без чиновников, показывают повторение Каутским старых «доводов» Бернштейна против марксизма вообще. В своей ренегатской книге «Предпосылки социализма» Бернштейн воюет против идей «примитивной» демократии, против того, что он называет «доктринерским демократизмом» – императивные мандаты, не получающие вознаграждения долж-

ностные лица, бессильное центральное представительство и т. д. В доказательство несостоятельности этого «примитивного» демократизма Бернштейн ссылается на опыт английских тред-юнионов в истолковании его супругами Вебб. За семьдесят, дескать, лет своего развития тред-юнионы, развивавшиеся будто бы «в полной свободе» (стр. 137 нем. изд.), убедились именно в непригодности примитивного демократизма и заменили его обычным: парламентаризм, соединенный с бюрократизмом.

На деле тред-юнионы развивались не «в полной свободе», а в полном капиталистическом рабстве, при котором, разумеется, «не обойтись» без ряда уступок царящему злу, насилию, неправде, исключению бедноты из дел «высшего» управления. При социализме многое из «примитивной» демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимется до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении. При социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял.

Маркс с его гениальным критически-аналитическим умом увидел в практических мерах Коммуны тот перелом, которого боятся и не хотят признавать оппортунисты из трусости, из-за нежелания бесповоротно порвать с буржуазией, и которого не хотят видеть анархисты либо из торопливости, либо из непонимания условий массовых социальных превра-

щений вообще. «Не надо и думать о разрушении старой государственной машины, где же нам обойтись без министерств и без чиновников» – рассуждает оппортунист, насквозь пропитанный филистерством и, в сущности, не только не верящий в революцию, в творчество революции, но смертельно боящийся ее (как боятся ее наши меньшевики и эсеры).

«Надо думать *только* о разрушении старой государственной машины, нечего вникать в *конкретные* уроки прежних пролетарских революций и анализировать, *чем* и *как* заменять разрушаемое» – рассуждает анархист (лучший из анархистов, конечно, а не такой, который, вслед за гг. Кропоткиными и К°, плетется за буржуазией); и у анархиста выходит поэтому тактика *отчаяния*, а не беспощадно-смелой и в то же время считающейся с практическими условиями движения масс революционной работы над конкретными задачами.

Маркс учит нас избегать обеих ошибок, учит беззаветной смелости в разрушении всей старой государственной машины и в то же время учит ставить вопрос конкретно: Коммуна смогла в несколько недель *начать* строить *новую*, пролетарскую, государственную машину вот так-то, проводя указанные меры к большему демократизму и к искоренению бюрократизма. Будем учиться у коммунаров революционной смелости, будем видеть в их практических мерах *намечание* практически-насуточных и немедленно-возможных мер и тогда, *идя таким путем*, мы придем к полному разрушению

бюрократизма.

Возможность такого разрушения обеспечена тем, что социализм сократит рабочий день, поднимет *массы* к новой жизни, *постоит* большинство населения в условия, позволяющие *всем* без изъятия выполнять «государственные функции», а это приводит к *полному отмиранию* всякого государства вообще.

... «Задача массовой стачки – продолжает Каутский – никогда не может состоять в том, чтобы *разрушить* государственную власть, а только в том, чтобы привести правительство к уступчивости в каком-либо определенном вопросе или заменить правительство, враждебное пролетариату, правительством, идущим ему навстречу (*entgegenkommende*)... Но никогда и ни при каких условиях это» (т. е. победа пролетариата над враждебным правительством) «не может вести к *разрушению* государственной власти, а только к известной *передвижке* (*Verschiebung*) отношений сил *внутри* государственной власти... И целью нашей политической борьбы остается при этом, как и до сих пор, завоевание государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращение парламента в господина над правительством» (стр. 726, 727, 732).

Это уже чистейший и пошлейший оппортунизм, отречение от революции на деле при признании ее на словах. Мысль Каутского не идет дальше «правительства, идущее-

го навстречу пролетариату» – шаг назад к филистерству по сравнению с 1847-ым годом, когда «Коммунистический Манифест» провозгласил «организацию пролетариата в господствующий класс».

Каутскому придется осуществлять излюбленное им «единство» с Шейдеманами, Плехановыми, Вандервельдами, которые все согласны бороться за правительство, «идущее навстречу пролетариату».

А мы пойдем на раскол с этими изменниками социализму и будем бороться за разрушение всей старой государственной машины, так чтобы сам вооруженный пролетариат *был правительством*. Это – «две большие разницы».

Каутскому придется быть в приятной компании Легинов и Давидов, Плехановых, Потресовых, Церетели, Черновых, которые вполне согласны бороться за «передвижку отношений силы внутри государственной власти», за «приобретение большинства в парламенте и за всевластие парламента над правительством», – благороднейшая цель, в которой все приемлемо для оппортунистов, все остается в рамках буржуазной парламентарной республики.

А мы пойдем на раскол с оппортунистами; и весь сознательный пролетариат будет с нами в борьбе не за «передвижку отношений силы», а за *свержение буржуазии*, за *разрушение* буржуазного парламентаризма, за демократическую республику типа Коммуны или республику Советов рабочих и солдатских депутатов, за революционную диктатуру проле-

тариата.

Правее Каутского в международном социализме стоят такие течения, как «Социалистический Ежемесячник»¹⁰ в Германии (Легин, Давид, Кольб и мн. другие, включая скандинавов Стаунинга и Брантинга), жоресисты и Вандервельд во Франции и Бельгии, Турати, Тревес и другие представители правого крыла итальянской партии, фабианцы и «независимцы» («независимая рабочая партия», на деле всегда бывшая в зависимости от либералов) в Англии¹¹ и тому подобное. Все эти господа, играя громадную, очень часто преоб-

¹⁰ «Социалистический Ежемесячник» («Sozialistische Monats-hefte») – журнал, главный орган оппортунистов немецкой социал-демократии и один из органов международного оппортунизма; во время мировой империалистической войны (1914—1918) занимал позицию социал-шовинизма; выходил в Берлине с 1897 по 1933 год.

¹¹ *Независимая рабочая партия Англии* (Independent Labour Party) основана в 1893 году. Во главе партии стояли Джемс Кейр-Гарди, Р. Макдональд и др. Претендуя на политическую независимость от буржуазных партий, Независимая рабочая партия на самом деле была «независимой от социализма, но зависимой от либерализма» (Ленин). В период мировой империалистической войны (1914—1918) Независимая рабочая партия вначале выступила с манифестом против войны (13 августа (н. ст.) 1914 года). Затем в феврале 1915 года, на Лондонской конференции социалистов стран Антанты, независимцы присоединились к принятой на конференции социал-шовинистической резолюции. С этого времени лидеры независимцев, прикрываясь пацифистскими фразами, занимали социал-шовинистическую позицию. После основания Коминтерна в 1919 году, под давлением полелевших партийных масс, лидеры Независимой рабочей партии приняли решение о выходе из II Интернационала. В 1921 году независимцы вступили в так называемый 2 1/2 Интернационал, а после его распада вновь присоединились ко II Интернационалу.

ладающую роль в парламентарной работе и в публицистике партии, прямо отрицают диктатуру пролетариата, проводят неприкрытый оппортунизм. Для этих господ «диктатура» пролетариата «противоречит» демократии!! Они, в сущности, ничем серьезно не отличаются от мелкобуржуазных демократов.

Принимая во внимание это обстоятельство, мы вправе сделать вывод, что второй Интернационал в подавляющем большинстве его официальных представителей вполне скатился к оппортунизму. Опыт Коммуны был не только забыт, но извращен. Рабочим массам не только не внушалось, что близится время, когда они должны будут выступить и разбить старую, государственную машину, заменяя ее новой и превращая таким образом свое политическое господство в базу социалистического переустройства общества, – массам внушалось обратное, и «завоевание власти» представлялось так, что оставались тысячи лазеек оппортунизму.

Извращение и замалчивание вопроса об отношении пролетарской революции к государству не могло не сыграть громадной роли тогда, когда государства, с усиленным, вследствие империалистического соревнования, военным аппаратом, превратились в военные чудовища, истребляющие миллионы людей ради того, чтобы решить спор, Англии или Германии, тому или другому финансовому капиталу господствовать над миром.¹²

¹² В рукописи далее следует: «ГЛАВА VII ОПЫТ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Написано в августе – сентябре 1917 г.

1905 И 1917 ГОДОВТема, указанная в названии этой главы, так необъятно велика, что об ней можно и должно писать томы. В настоящей брошюре придется ограничиться, разумеется, только самыми главными уроками опыта, касающимися непосредственно задач пролетариата в революции по отношению к государственной власти». (На этом рукопись обрывается.)

4. Послесловие к первому изданию

Настоящая брошюра написана в августе и сентябре 1917 года. Мною был уже составлен план следующей, седьмой, главы: «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов». Но, кроме заглавия, я не успел написать из этой главы ни строчки: «помешал» политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Такой «помехе» можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (посвященный «Опыту русских революций 1905 и 1917 годов»), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать.

Автор

Петроград. 30 ноября 1917 года.

